

Глава 4. Человек, созданный для поля битвы.

Скрываясь на своей базе и ночью досаждая Игсем, группа Торвэя в течение пяти дней занималась одним и тем же.

Они подстреливали вражеских лошадей с большой дистанции при помощи воздушных винтовок, устраивали небольшие пожары на базе противника, отправляли всадников долбить в гонг, не давая солдатам спать, загнали вражеских лошадей в траншеи, где они пили грязную воду... Они осуществляли всё, что было в рамках их совести и возможностей. Это существенно замедлило прогресс фракции Игсем. Однако на рассвете шестого дня у Мэттью начались сомнения.

— Я знаю, что сам предложил этот план, и сейчас не время для этого, но всё ли нормально!? Мы ведь просто мешаем другим, не добиваясь прогресса в поисках. Мы замедлили фракцию Игсем, но, возможно, мы просто снижаем шансы найти Императора...

После такого преследования день за днём было естественно испытывать вину. Торвэй знал, что чувствует Мэттью, и твёрдо покачал головой.

— Ма-кун, не правильно думаешь. Ик-кун ведь говорить, что наличие Императора не является необходимым условием, чтобы остановить переворот. Это наше преимущество, и мы в полной мере используем его.

— Что ты имеешь в виду!?

— Если мы предположим, что условие для победы такое же, как у Игсем, которое заключается в “защите Императора”, то наш план совершенно нецелесообразен. Мешая им вести поиски, лучшее, чего мы можем достигнуть, это испортить отношения между друг другом... Но это не так. Нам не нужно искать Императора, а преследование Игсем поможет фракции Ремион. Исходя из наших условий для победы, это хитрый ход.

Потратив немало усилий, чтобы обдумать это, слегка пухлый парень кивнул.

— Понятно, а ты прав. Нашим условием победы является “взятие Императора под свою или же сторону фракции Ремион”. Чтобы выполнить это условие, нам просто нужно убедиться, что Игсем не найдет Его Величество. С самого начала нам не нужно было привязываться к идее поиска самим.

— Да! В этой ситуации проблемы фракции Игсем лишь сыграют нам на руку, поэтому я думаю, что нам просто нужно сосредоточиться на том, чтобы помешать им.

— Трудно вести поиски ночью, а если мы отправим людей днём, то на нас может напасть конница. Единственное, что мы сейчас может предпринять - это продолжать ночные рейды.

Чувствуя облегчение после осознания, Мэттью глубоко вздохнул. Торвэй ободряюще похлопал его по плечу, а затем сказал то, о чём думали они двомя.

— Если старший брат узнает, какую стратегию мы используем, он будет смеяться над нами.

Но правда заключалась в том, что группа его брата не могла жалеть сил на смех. По мере того, как неисследованная территория фракции Ремион сокращалась, подразделение Сарихасрага в южной части провинции неустанно прочёсывало район, не принося никаких результатов.

— Твою мать! Да где он прячется!?

Когда он лично руководил поиском в предполагаемой деревне, в которой они так ничего и не нашли, старший сын дома Ремион в отчаянии пнул дерево. На этот раз даже Сушура, которому обычно получалось успокоить своего брата, тоже погрузился в глубокое молчание.

— Мы обыскали все большие деревни и тщательно опросили жителей! Так почему же мы не можем найти никаких следов этого лиса!?

— Успокойся, брат. Наше окружение становится всё теснее. Это лишь вопрос времени, когда мы их найдём.

— Да в этом и проблема... Мы не можем здесь тратить время! Мы должны положить конец этому перевороту, прежде чем Киока разузнает о наших внутренних проблемах в стране!

Сариха повернулся к своему брату и ухмыльнулся.

— Сам поиск прошёл гладко, и мы проверили все подозрительные места.

— Действительно, за последние несколько дней у нас стало меньше столкновений с другими фракциями. Эти ублюдки, вероятно, добились меньшего прогресса, чем мы.

— Я слышал, что есть подозрительное подразделение, которое проводит ночные рейды. Видимо они тянут других на дно за собой. В целом отлично, если они не мешают нам...

— Майор!

Крик прервал их разговор. Сариха спрятал своё раздражённое выражение лица и повернулся к подчинённому. Аура вокруг него была такой же, как и при рождении, но теперь он научился сдержанности.

— Что такое!?

— Сэр! Старейшина деревни хочет поговорить с вами!

— Старейшина!? Понял, веди.

Он быстро ответил и последовал за своим подчинённым. Независимо от того, насколько он был обеспокоен, он должен был заслужить расположение местных жителей. Их поведение здесь напрямую повлияет на репутацию фракции Ремион. Они только что обыскали все здания и даже вскрыли полы, поэтому им пришлось позаботиться о том, чтобы не вызвать гнев жителей.

Несколько сопровождающих из деревни отвели их к южному концу деревни. Здесь была площадь, где могли собираться жители деревни, и даже путешествующие торговцы использовали эту возможность для установки палаток. Главный в деревне был стар, но рядом с ним была женщина, которая была ещё старше. Он был немного удивлён, но Сариха всё ещё стоял прямо перед ними.

— Майор армии Сарихасраг Ремион. Чем могу помочь!?

— Спасибо, что пришли. Уж извините, что перехожу сразу к сути, но у нас есть просьба.

— Какая?

— Мы бы хотели отправить её “домой”. Этой старушке уже не на кого положиться... Как видите, у неё осталось не так много времени.

Старейшина деревни смотрел на старуху, когда тихим голосом говорил это Сарихе. Старший сын дома Ремион был немного удивлён, но понял, что имел в виду глава деревни. Он просил ослабить блокаду, чтобы пожилая женщина смогла отправиться в путешествие.

В Империи был создан религиозный центр, известный как “Дом Упокоения”, где собирались люди, которые чувствовали, что их дни уже сочтены. Людям, которым не на кого было положиться, разрешали жить там. Некоторые священники Альдеранской церкви находились там, чтобы помочь прибывшим обрести покой в их последние минуты.

— Понятно. И сколько собираются уйти!?

— Четверо. Трое молодых пойдут с ней, чтобы по очереди толкать инвалидную коляску. Будет весьма тяжело в пути, если их будет меньше.

Сариха небрежно поглядел на людей, стоящих за главой деревни. Маленькая и хрупкая старушка, да три парня... Они явно не были замаскированным Императором и Тринсаем. Подтвердив это, он кивнул в знак согласия.

— Хорошо, я организую вам проход. Если я правильно помню, то “дом упокоения” находится где-то на юго-востоке.

По мере того, как продвигались их поиски, военные также захватили территорию этого места. Старейшина кивнул.

— Всё так.

— Понял. Мы не можем предоставить вам людей, чтобы сопровождать вас, но я прикажу своим людям усилить охрану в этом районе. Вас, возможно, остановят в пути солдаты, но это не будет особой проблемой, если вы чётко изложите свои цели. Мадам, вы сможете спокойно дойти до места.

Сариха отдал честь, сказав это, и старуха пробормотала что-то. “Спасибо”. Дух ветра, сидящий на коленях хозяйки, ответил за неё.

Уже спустя некоторое время, все члены деревни пришли отправить в последний путь старушку и сказать ей что-нибудь на прощание. Когда группа отправилась в путь, толпа осталась наблюдать за их уходом.

— Бабушка Юмари наконец уходит “домой”... Она ведь тоже была главой деревни.

— А что насчёт дедушки Цугу, который ушёл раньше? Может он ещё жив? Было бы неплохо, если бы они встретились.

— Верно. Вот только надеюсь, что они не встретятся с тем перевязанным человеком...

— Не глупи, они точно не встретятся. Он может ещё жив, но у него определённо неизлечимая болезнь...

Двое мужчин шептались друг с другом. Сариха неосознанно остановился. По какой-то причине, заинтригованный их разговором, старший сын дома Ремион повернулся к ним.

— Скажите...

Его острый взгляд заставил их вздрогнуть. Он не обращал на это внимание и продолжил, когда подошёл.

— Можете рассказать мне о деталях вашего разговора!?

— Ааа...

— Эмм...

— Ранее кто-то ушёл “домой”, так!? Что вы имели в виду, когда говорили, что старуха с кем-то не встретиться?

— Ну... это потому, что он серьёзно болен.

— Именно, должно быть он уже мёртв.

Сариха покачал головой, уставившись на двух подозрительных людей.

— Это ведь не всё... Вы же сами сказали, что “может он ещё жив, но...”. Мёртвый или живой... почему вы думаете, что старушка с ним не встретиться!?

— ...

— Это...

— Я хочу знать причину, по которой вы так думаете. Позвольте мне спросить ещё раз, почему так!?

Когда они слышали, каким тоном он сказал, не оставляющим места для переговоров, двое мужчин неловко посмотрели друг на друга. Они что-то скрывают... Сариха был уверен в этом, однако старейшина деревни вмешался.

— Майор, не пугайте молодых.

— Извините, я ничего такого не хотел.

Старший сын дома Ремион коротко извинился, но его глаза всё ещё были прикованы к двум мужчинам перед ним. Глава деревни со вздохом сказал.

— Вполне естественно, что они не решаются говорить. Это тема, которую люди не хотят поднимать... В принципе, “дом” принимает всех людей на грани смерти без разбора. Однако есть исключения, о которых нелегко говорить...

— Носители заразных болезней?

Сариха сказал это ясно. Старейшина сел с тяжёлым настроением и кивнул.

— Верно. Кажется, больше не нужно ничего скрывать, поэтому я расскажу вам всю правду...

Старейшина деревни медленно рассказал о том, что случилось. По его словам, некоторое время назад в этой деревне побывали два человека. Один из них был худым человеком в одежде паломника, а другой был полностью забинтован и прикован к постели. Казалось, он не мог передвигаться самостоятельно и лежал в кузове повозки, когда прибыл в деревню.

— Из-за их странного появления, я полностью усомнился в их целях приехать сюда... И, как я и ожидал, этот человек был переносчиком заразной болезни, который не мог остаться в своём старом доме.

Пока он слушал, Сариха почувствовал, как по спине пробежал холодок. С тех пор как он начал поиски в провинции Дафума, он впервые почувствовал, что появился шанс.

— Конечно же, я не мог позволить ему остаться здесь, поэтому я рассказал им об одном месте. Всего их несколько, которые могут принять таких людей, однако одно из них находится в непосредственной близости. Я направил их туда...

Старейшина деревни начал говорить расплывчато, и старший сын дома Ремион крепко взял его за плечи.

— Хотите сказать, что этого перевязанного мужчину вы отправили в лечебное заведение, которое не является “домом”. И это сооружение построено там, куда другие даже не сунуться.

— Да. Я никогда об этом не говорил... Надеюсь, вы простите меня.

Старейшина деревни сказал с молящим тоном. Согласно табу Альдеранской церкви, остракизм носителей заразных болезней являлся грехом, поскольку он противоречил духу неизбирательного милосердия. Тем не менее, в некоторых провинциях всегда находились места, которые молча давали согласие на такое. Оставляя в стороне праведность этого поступка, у них не было другого выбора, поскольку они не могли позволить распространиться ужасным заразным болезням.

— Прошу... смилуйтесь...

Старейшина деревни низко опустил голову, признав свой грех. Однако Сариха не интересовался чувством вины и был взволнован поиском одного человека. В этот момент он решил надавить на главу деревни.

— Можете ли вы сказать мне, где находится это лечебное учреждение?

— Как скажите... Но, как я уже пытался сказать, это место не отмечено на карте, и даже местные жители не часто там бывают...

Старейшина запнулся. И, наконец, на губах Сарихи появилась улыбка.

— Вот как-то так, Сушура. Разве не прекрасно!?

Его брат кивнул. Чувство, когда они сели на хвост своей жертве, приводило братьев в восторг, и их нефритовые глаза сияли таким же образом.

Получив информацию от старейшины, братья Ремион отправились в путь со своим подразделением. Странствующий торговец, который занимался бизнесом на углу площади, медленно встал.

— Джентльмены, подойдите сюда...

— Хмм!? Что такое?

Торговец заговорил с дуэтом мужчин, которые недавно разговаривали с Сарихой. Он подошёл с приятной улыбкой и достал карту.

— Я не хотел подслушивать, но я случайно услышал ваш разговор с тем солдатом... если это не сложно, можете ли вы отметить местоположение этого лечебного учреждения на этой карте?

— А ты нас точно слышал? Там находятся люди с заразными болезнями. Почему ты хочешь знать местоположение такого места?

— Это хорошая возможность для бизнеса. Поскольку есть лечебное учреждение, то должен быть и главный. Они принимают многих пациентов и нуждаются в пополнении запасов. Тем более такие места, другие торговцы проходят стороной.

— Я не возражаю, но после того, как поедешь туда, держись подальше от нашей деревни.

— Именно. Если хочешь что-то подхватить, то вперёд, но нас в это не втягивай.

После того, как двое мужчин предупредили его, они отметили место на карте. Получив отмеченную карту, довольный торговец попрощался с ними.

— Спасибо вам большое. Вот вам небольшой подарок...

Он указал на стойло под открытым небом и сказал с широкой улыбкой.

— Я отдаю вам все свои товары. Это немного, но, пожалуйста, поделитесь со всеми остальными.

— Что!?

— Эй, ты болен что ли!?

— Ну, прощайте.

Сказав это, торговец повернулся и побежал к лошади. Развязав верёвку от повозки и оставив груз позади, он устремился в путь. Прежде, чем окружающие его люди успели хоть на секунду заявить, он оставил все свои инструменты торговли и бросился вперёд.

— Лечебное учреждение, которое принимает пациентов с инфекционными заболеваниями? Генерал Йорунзаф, должно быть, это то самое слепое пятно...

Сильная зацепка, которая указывала на местонахождение Императора... Об этом две фракции узнали одновременно. Ситуация была не такой уж и хорошей, поскольку к добыче направлялись два охотника. Вот так, условие для финальной битвы было выполнено.

Фракция Ремион внезапно отправилась из лагеря на юг. Когда Торвэй и Мэттью получили отчёт от своих разведчиков, они тупо посмотрели друг на друга.

— Что думаешь!?

— Они, вероятно, выяснили местонахождение Его Величества. Поскольку они мобилизовали такую большую группу, старший брат, должно быть, пытается занять лидирующие позиции.

— Если это так, то его действия слишком небрежны! Такая очевидная мобилизация определённо взволновала бы другие группировки. Раз мы заметили, то и фракция Игсем определённно в курсе и будет препятствовать им в поисках. Если бы я был на их месте, то я бы действовал более скрытно.

— Да, согласен. Думаю, это просто приманка. Старший брат пытается вывести фракцию Игсем и нас на юг, и использовать оставшиеся силы для поиска другой ключевой области.

— Я могу понять такой шаг... Но где в таком случае они будут искать?

— Этого я не знаю, но зато в курсе, что нам делать. Поскольку фракция Ремион нашла Императора, то мы должны им помочь.

Слегка пухлый юноша согласился с ним и выложил карту.

— Тогда мы должны внимательно следить за реакцией фракции Игсем. Как они поступят?

— Если их отвлекут на юг, то у нас не будет возможности что-либо сделать...

— Проблема заключается в том, если у них не получится их обвести. А вот тут будет сложно... Если это произойдёт, то должны ли мы отправить свои силы?

Мэттью скрестил руки, глубоко задумавшись. Потом он продолжил.

— Вероятность провала фракции Ремион, которая подверглась нападению со стороны фракции Игсем, не клюнувшая на эту диверсию... Чтобы этого не случилось, нам нужно остановить фракцию Игсем прямо сейчас, но...

— Остановить их... Но у них ведь кавалерия. В этой местности любая безрассудная атака будет самоубийством. У них даже нет причин отвлекаться на нас. Они просто продолжал преследовать фракцию Ремион.

— Тогда, что насчёт последовать за ними и сопровождать их!?

— Нам нужно следовать за теми, кто идёт в предположительно “правильное место”, а не на юг, так!? Мы понятия не имеем, где находится это подразделение. Если они отправили батальон на свою базу в качестве диверсии, то оставшиеся два батальона направятся в то самое место.

Они не имели ни малейшего представления о нынешнем местоположении поискового подразделения Ремион, которое направлялось в неизвестное место. Это было единственным недостатком их стратегии скрываться на собственной базе.

Оставив Мэттью со своими мыслями, Торвэй продолжил думать.

— Тогда... Нам остаётся лишь предположить. В соответствии с геологическими ограничениями, прогрессом их поиска и личностью старшего брата, а также с добавлением некоторых других условий, мы можем предположить, где находится это место. Нам не нужно знать точное местоположение, мы можем просто направиться к общему району, а затем разослать разведчиков по пути, чтобы разузнать о деталях...

— Икта сказал бы что-то такое... Вместо того, чтобы играть в шахматы вслепую, лучше уж сыграть в азартную игру.

— Верно. Нам остаётся лишь “ничего не делать” или “сделать ставку”.

Торвэй представил два варианта и его стратегия была слишком воинственной в сравнении с его обычным стилем. Мэттью вытер холодный пот со лба тыльной стороной ладони и принял

решение.

— У нас нет выбора, нужно рисковать. Если подумать, то наши шансы не такие уж и низкие, ведь Капитан Гарсиев присматривает за мной.

Схватив компас под униформой, Мэттью решил действовать. Он повернулся вместе с Торвэем к своим солдатам, суесящихся позади них.

— В таком случае, мы могли бы наконец их использовать. Наш козырь против кавалерии... И как успехи!?

По его настоянию один из солдат показал ему готовый продукт. Двое из них внимательно осмотрели его и кивнули, поскольку оно соответствовало требуемому стандарту.

Под мрачным небом солдаты шли в строю со своими винтовками, которые висели у них на плечах. Это было подразделение братьев Ремион, состоящее из двух батальонов стрелков. После мобилизовали людей для диверсии, это были все силы, которые они могли собрать.

— Чёрт, эта местность так раздражает. Только кавалерии здесь хорошо, а мы даже не можем нормально передвигаться.

Сариха ворчал в середине группы. Из-за стычек с фракцией Игсем их два батальона фактически насчитывали менее 900 человек. Сушура рядом с ним кивнул в знак согласия.

— Должно быть это последний день, когда мы терпим отсутствие свободы. Если мы сможем найти Его Величество, тогда всё закончиться. Лес буквально в 10 км отсюда.

— Да, когда мы достигнем леса, победа будет за нами. Я надеюсь, что никто не встанет у нас на пути.

— Подразделение, которое мы отправили на юг, должно их обмануть. Независимо от того, купятся они на это или нет, в любом случае им понадобится некоторое время, чтобы определить наше местоположение. Вряд ли им удастся...

В этот момент разговора громко зазвенел гонг. Группа всадников, исследующая окраины, забила тревогу. Когда в войсках стало шумно, Сариха шокировано оглядел область вокруг.

— Вражеская атака!? Да вы шутите!? Я даже не вижу у них разведчиков!

— Два, два, один... Приближается большой кавалерийский отряд! Брат, квадратная формация!

По приказу Сарихи, который был главнокомандующим, солдаты начали собираться. Со взводом по сорок человек на каждой стороне, четыре стороны образовывали квадрат из 160 человек. Четыре таких квадрата были сформированы в один горизонтальный ряд. Было математически доказано, что такое геометрическое построение было эффективно против набегов.

— Всем солдатам, приготовить штыки! Первые ряды, поднять пики!

Это ещё не все, на этот раз их квадратная формация была вооружена пиками. Из трёх рядов, которые формировали каждую сторону формации, 13 человек впереди держали 2-метровые пики вместо своего ружья. Это было примитивное оружие, у которого даже не было стального наконечника.

— Поднимите их на 15 градусов вверх! Воткните один конец в землю и крепко держите их! Это наш спасательный круг!

Старший сын дома Ремион громко всех предостерёг и больше не паниковал. Если враг атакует, им просто нужно держать позиции. Включая это нападение, они подготовили контрмеры ко всему, что могло произойти. С тех пор, как он потерпел поражение против прапорщиков, он отбросил своё высокомерие и теперь всегда был настороже.

— Они здесь! Ухо остро на северо-восток и приготовиться к стрельбе!

Враг появился на горизонте, и полчища кавалерии поднимало облако пыли при своём приближении. Солдаты уставились на врага и сглотнули, смотря на них через прицел. Кавалерия во главе со свирепым генералом Йорунзафом атаковала сквозь пыль. Их было 600, и это были все силы, которые фракция Игсем могла мобилизовать прямо сейчас.

Это не было совпадением, что они поймали врага, это было явно результатом их стратегии. На следующее утро после того, как группа Торвэя только начала свои ночные рейды, генерал Йорунзаф понимал, что эффективность его работы упадёт, поэтому внёс коррективы, чтобы совсем не отстать.

Проще говоря, он шёл прямо на хвосте у другой фракции. Он послал солдат, переодетых в путешествующих торговцев, в деревни и города, чтобы изнутри красть информацию у фракции Ремион, и пользовался этим в собственных поисках. Для фракции Игсем, которая имела преимущество в мобильности, такая тактика была очень эффективна. Они, конечно, всегда были позади на один шаг, так как должны были зависеть от украденных данных, но они восполняли это своей скоростью.

— Мы находимся в 600 метрах от квадратного построения! Враг, кажется, держит пики!

— Ох, какая ностальгия! Напоминает мне о днях, когда я только вступил в армию. Тогда пикинёры ещё были активным подразделением в армии!

— Мы будем продолжать наступать!? Пики ведь прямые контрмеры против нашей прыгающей кавалерии!

— Не задавай тупых вопросов! Помимо прямой атаки, есть ещё куча других способов!

Он закричал многозначительно, что заставило его людей засмеяться. Поскольку их волнение достигло своего пика прямо перед битвой, старый генерал вытащил свою саблю и объявил о начале смертельной битвы.

— Всем отрядам, достать сабли! Враг прямо перед нами! Бейте всем, что у вас есть!

———— Так точно! ———

С этим криком в качестве сигнала, кавалерия распределилась от прямой линии до горизонтальных рядов. По мере того, как они приближались к четырём квадратным построениям, их можно было бы описать как цунами, демонстрирующая мощное сочетание скорости и массы. Они были самым сильным типом солдат на поле битвы в истории, и обнажили свои клыки под предводительством легендарного свирепого генерала.

———— AaaaaAaaaa! ———

Продвигаясь на полной скорости сквозь град пуль, кавалерия с воплём достигла квадратного построения. Авангард, ответственный за прыжок во вражескую группировку, был хорошо обученными всадниками, которые воплощали название “Прыгающая Кавалерия”.

Однако на этот раз у врага были пики, и они не могли перепрыгнуть через них. Они это прекрасно знали, поэтому что же они будут делать!?

Вывод оказался простым, они не будут делать ничего сложного. Они просто будут быстрее, сильнее, свирепей.

Самодельные пики блокировали прямое столкновение. Пики, одним концом закопанные в землю, не зависели от силы того, кто их держал, и могли выдержать всю мощь удара, однако... Свежая кровь забрызгала их, а крики боли в ушах заставили солдат, держащих пики, в страхе потерять контроль над мочевым пузырём. Оборонительные меры сработали... однако они были в шоке и в ужасе от ошеломляющего факта, что враг не замедлил свою безумную скорость, прямым ходом идя на пики!

———— ВахахХахаха! ———

Мало того, что они закрывали глаза на ужасное состояние своих товарищей, так кавалерия к тому же воспользовалась этой возможностью, чтобы продолжить атаку. Их товарищи впереди уже заслонили кончик этих чёртовых пик своим телом. Их тела растолкали и пики сломали пополам, сведя на нет самодельное анти-кавалерийское оружие. Большая часть пик, подготовленные фракцией Ремион, оказались бесполезными уже при первой волне атаки.

Без пик, преграждающих путь, кавалерия атаковала через трупы своих товарищей и радостно влетела внутрь построения противника. Понимая, что бойня вот-вот начнётся, солдаты фракции Ремион начали кричать от ужаса.

— Это безумие!

Сариха, который находился в центре квадратной формации, описал вражескую конницу первыми пришедшими на ум словами. Это было весьма естественно. Пики, которые они приготовили, служили им обороной, предназначенной для отпугивания кавалерии. Цель заключалась не в том, чтобы в полной мере отбиться от атак кавалерии, а в том, чтобы давить на них психологически.

И люди, и лошади боятся смерти. Это был естественный инстинкт, который было трудно преодолеть, и многие тактики были построены на этом предположении. Однако у Йорунзафа Игсема такого страха не было. Такие как он только и знают, как безумно сражаться в безрассудной отрешённости. Они любят топтать, разорять и терять себя в этом разрушительном потоке.

И, конечно же... Это была истинная натура прыгающей кавалерии под командованием свирепого генерала Йорунзафа. В конце концов, их выдающееся мастерство было просто украшением. С момента основания подразделения полвека назад, их старший офицер просил только одного качества от своих людей. Мужества, или точнее, безумия. Простого и ненормального желания совершать безумные поступки перед лицом опасности.

— Брат, соберись! Если мы не предпримем никаких контрмер, наше квадратное построение падёт!

— ...

Предупреждение его брата вернуло Сариху к реальности, и он быстро начал искать выход из сложившейся ситуации. Но чем больше он на это смотрел, тем больше был в растерянности. Даже если бы он хотел отступить, вокруг них были только равнины и холм, и им потребовалось бы слишком много времени, чтобы добраться до них в таком построении. Если они покажут спины противнику, то они однозначно воспользуются этой возможностью.

Я проиграл... промелькнуло у него в голове. Какого черта!? Он сопротивлялся своим бушующим эмоциям, но он не мог придумать никаких методов, чтобы перевернуть это неизбежное поражение.

Кавалерия бежала сквозь строй, как бурная буря. Они развернулись на противоположном конце формации и снова начали атаковать, и разрывы в четырехугольном построении начали увеличиваться с каждой атакой. Враг был в ужасном состоянии и даже не мог отомстить, что заставило Йорунзафа недовольно цыкнуть, когда он ехал со своими людьми.

— Какое позорище! Разве нормально ничего не делать в такой ситуации!? Если у вас хватает смелости устроить переворот, тогда не позорьте имя Ремион на поле битвы! Чувствую себя дураком раз отнёсся к вам серьёзно!

Старый генерал взревел, когда он жаждал ещё более напряжённой битвы. Кавалерия с ним также издала дикий вопль, жаждущий большего насилия и крови. Безумие, исходившее от одного человека, заразило весь остальной отряд. Теперь, они были адской армией, которая по его приказу ворвётся во врата ада.

Его образ жизни был таким же, как и во время службы. Достижения однорукого Игсема всегда достигались безумием на поле сражения. Однако Йорунзафа Игсема так и не повысили до генеральского звания.

Тот, кто так решил, был предыдущий глава Игсем. Несмотря на его большие достижения, в отличии от других, самое большое звание, которое он смог достичь – бригадир. Да и то, звание было присвоено тогда, когда он собирался уйти в отставку. Большую часть своей военной карьеры он провёл в качестве офицера на поле битвы. Военные предоставили ему почётное звание, но это было после того, как он ушёл с фронта. Но Йорунзаф не жаловался. Поскольку он любил жить на передовой, необходимая безопасность высокопоставленных военных причинила бы ему лишь неудобства.

Йорунзаф прекрасно знал, почему его держат в стороне от высших командирских званий. Он был слишком увлечён войной и даже повёл своих людей по адской тропе. Если бы такой человек был повышен до высшего военного руководства, это исказило бы сам характер организации. Боевой командир бы продвигал свою точку зрения, что “война – необходимое зло”.

Случай, когда он потерял левую руку, заставил его понять, насколько он безнадёжен. Во время кавалерийского удара, подающий с неба снаряд ударил Йорунзафа в плечо. Ему не оторвало руку, и если бы он сразу отступил и начал залечивать рану, то, вероятно, смог бы спасти руку. Тогда его адъютант настаивал именно на этом.

Но он этого не сделал, потому что враг был прямо перед ним, и они были действительно сильными. Было бы глупо бежать в такой критический момент, поэтому он не смог себя заставить. В конце концов, когда он ещё с такими встретиться!?

Вот так, Йорунзаф быстро и весьма грубо перемотал руку, чтобы остановить кровотечение, а затем присоединился к сражению. Когда он услышал, какой диагноз поставил ему доктор, он лишь кивнул “в ожидании”. Он ценил мимолетный момент восторга в битве, ценой которой стала его левая рука. Он сделал этот выбор без каких-либо сомнений.

— Фух...

Каждый раз, когда он вспоминал об этом, старый генерал не мог удержаться от смеха. Родившись в доме Игсем, олицетворяющий воплощение военного порядка, он потерял руку, потому что очень сильно любил сражаться и больше не мог владеть фирменным стилем двойных клинков Игсем. Сами небеса с того момента окрестили его как “еретик”.

Йорунзаф прекрасно знал, насколько точной была эта оценка... Именно поэтому он так обрадовался. Несмотря на то, что это была гражданская война между другими имперскими солдатами, это вовсе не подавляло его удовольствия от боя. Прошное или будущее не имело значения. Сейчас идёт лишь война.

— Ахаххаха...

Старый генерал, который жил интенсивнее, чем кто-либо ещё, так и не получил ничего от войны. Его последняя песнь воина, так и не показалась до его отставки.

— Кажется, что день моей смерти ещё очень далеко...

Йорунзаф отдал приказ, чтобы его рассеянное подразделение сгруппировалось. Вражеский отряд был на пределе своих возможностей для поддержания квадратной формации, и они могли лишь выдержать одну, а то и две волны атаки. После этого всё закончиться, приняв капитуляцию вражеского командира.

— Хмм?

Старый генерал уже думал о конце битвы, когда почувствовал колющее ощущение на шее. Он вспомнил это чувство. Перед тем, как потерять руку, его инстинкт воина предупреждал также. Йорунзаф отвёл взгляд от подчинённых, готовясь к их атаке, и пронёсся вокруг. Он посмотрел на дальний горизонт за квадратным строением перед собой и нашёл его. Источником его колющих ощущений был небольшой овальный холм шириной около двух километров, прямо за фракцией Ремион.

— Пфф... ещё очень далеко.

Радость в его сердце заставила старого полководца улыбнуться. Гость, который сделает эту битву более значимой, прибыл.

— Мы уже почти на месте. Всем быть наготове! Мы можем идти прямо на смерть!

— Это...

Успел ли он или опоздал? Сцена перед ним помешала Торвэю найти ответ. Если смотреть с вершины холма, битва совершенно односторонняя. Четыре квадратных построения были почти разгромлены, а бесчисленные трупы лежали на открытых равнинах. Кавалерия Игсем, которая была виновницей этой ужасной сцены, собиралась на некотором расстоянии, готовая нанести последний удар, когда они будут готовы.

Поскольку битва подходила к концу, было трудно сказать наверняка, в безопасности ли два его старших брата. Но борьба продолжалась, поэтому ещё был шанс переломить ситуацию... Сделав такой вывод, Торвэй горько сглотнул и принял решение.

— Третий отряд разверните квадратное построение! Будите вести огонь с того места!

Солдаты начали выполнять его приказы, спускаясь по склону к своему месту. В этот момент один из мужчин, которому поручено наблюдать за врагом, громко крикнул.

— Враг приближается на полной скорости! Они обогнули квадратное построение Ремион и скачут прямо на нас!

Отложив смертельный удар, который они собирались нанести квадратному построению перед ними, Йорунзаф сменил цель на вражеские силы, появившиеся на холме. Ворваться, чтобы спасти союзное подразделение на грани поражения, и осуществить поддержку огнём с холма... ситуация странным образом была похожа на их предыдущее столкновение.

Если бы он их проигнорировал и сконцентрировался на фракции Ремион, то вражеское подразделение обстреляло бы их сверху. Учитывая вероятность того, что ещё большее количество врагов прячется за холмом, было бы разумно сперва уничтожить именно их. Старый генерал принял решение.

— Генерал! Враг спустился на полпути вниз по склону и образовал там квадратное строение!

— На склоне!? Да...

Йорунзаф был немного удивлён. Чтобы максимизировать преимущество возвышенности, им следовало бы держаться на вершине холма. Лошади неизбежно замедляться при подъёме вверх, уменьшив мощь кавалерийской атаки, а у врага будет больше времени на ведение огня.

По какой причине они отказались от этого преимущества и образовали квадратное построение на склоне? Подумав об этом, старый генерал придумал ответ.

— Видимо так они позволяют вести стрельбу не только половине людей!

Из-за ограничений построения, лишь менее половины людей могли стрелять по врагу, атакующего с любого направления. Даже если солдаты на другой стороне захотят сражаться,

они будут заблокированы телами своих товарищей.

Однако формирование квадрата на склоне отличалось благодаря поверхности. Из-за разницы в высоте, солдаты позади будут иметь беспрепятственную линию огня. Это было бы эффективной защитой от атаки кавалерии, и в то же время максимизировало бы эффективность воздушных винтовок. Вражеский командир жадно преследовал двух зайцев, поэтому и разочаровал Йорунзафа.

— Хочу похвалить идею, но сейчас это плохое решение. К сожалению, мы не безмозглые солдаты, которые могут атаковать лишь по прямой!

По указанию старого генерала, кавалерия быстро поменяла направление и начала бежать в обход холма, чтобы застигнуть спины врагов.

С этого момента квадратная формация на склоне утратила своё значение. Все солдаты могли стрелять вместе только в том случае, если враг нападает с фронта. Однако если их противник обойдёт их сзади, эта тактика лишь сработает против них самих. Если враг займёт ещё большую высоту, то стрелкам на склоне будет намного труднее по сравнению с теми, кто находится на равнине.

— Вражеская кавалерия поменяла направление! Они планируют обойти нас и ударить с вершины холма!

Торвэй, стоявший посреди квадратного построения, мог видеть, о чём сообщал его подчинённый.

— ...

Парень не двигался. Если он продолжит ждать, враг, взобравшийся на холм, обрушится на них с разрушительной силой, чему будет способствовать гравитация. Несмотря на то, что он знал это, он оставался неподвижным.

Пока время мучительно шло, его тревожный подчинённый спросил дрожащим голосом.

— Командир, ещё не время?

— Нет ещё!

Торвэй был непреклонен в ожидании. Всадники, следовавшие за кавалерией, всё ещё были в поле зрения. Это означало, что они всё ещё могли видеть то место, поэтому он ничего не делал. Если он не дожждётся пока враг полностью не исчезнет из его поля зрения, его план могут раскрыть.

Он чувствовал, как всё быстрее бьётся его сердце, когда представлял возможное и рассчитывал время, необходимое вражеской кавалерии, чтобы добраться до другой стороны холма. Как долго им нужно менять направление и реорганизовывать ряды... Учитывая тактику, которую он использовал, у него было мало лишнего времени. Мысль об этом заставила его начать беспокоиться.

Однако прямо перед тем, как его терпение лопнуло, враг полностью исчез из виду. С холмом, блокирующим поле зрения, следующие несколько минут позволят обеим сторонам действовать, оставаясь незамеченными. Юноша крикнул во все лёгкие.

— Начинаем! Быстрее меняем построение!

В спешке, солдаты лихорадочно начали действовать. Торвэй бежал рядом с ними. Это образовавшееся окно было менее двух минут. Действия, которые они предприняли за это время, определяют исход этой битвы.

Когда они подошли к другой стороне холма и посмотрели вверх, Йорунзаф нахмурился.

— Что!? Даже засад нет!?

Старый генерал сильно расстроился. Вопреки его ожиданиям, кроме склона, на котором разместился враг, он не видел никаких признаков других вражеских единиц на самой вершине. Это означало, что отряд, который он видел ранее, это все силы врага. Одна квадратная формация, около 200 человек... Это даже меньше, чем в прошлый раз.

— Конец их построения виднеться на вершине холма. Они видимо пытаются подняться, чтобы не сдать позиции...

— Не дадим им шанса.

Йорунзаф сказал, не задумываясь, и умчался по траектории задуманного маршрута. Вершина холма была на расстоянии около 600 метров. Он мог представить себе панические лица врага на другой стороне, несущихся вверх по крутому склону.

— Распределите ряды! Склон не слишком крутой, поэтому не снижайте скорость! Бежим на максимальной скорости!

———— Ваааааооааа! ————

Адская кавалерия издала свой вой. Град пуль, предназначенный их остановить, так и не появился. Враг, вероятно, настаивал на том, чтобы удерживать свои имеющиеся позиции, и лишь часть солдат достигла вершины.

Они были почти на месте. За несколько секунд до того, как они достигли вершины, перед ними предстали лица врага, образующие угол квадратной формации. Удивительно, но на их лицах не было никаких признаков страха, и они держали свои ружья с решительным настроем.

Адская кавалерия посчитала их мужество достойным. Были ли войска на другой стороне холма с таким же выражением лица? Их наказание за их тактическую неудачу наступало, но они планировали сражаться до самого последнего...

— Почему...

Однако, когда кавалерия достигла вершины холма, реакция противника полностью отличалась от ожидаемой. Все те, кто держали винтовки, побросали их на землю и легли прямо вниз, показывая на своих спинах что-то вроде платформы.

Копыта навалились на панцири черепах, топча их. Вероятно, эти платформы были сделаны из исключительно прочного дерева и могли выдержать давку лошадей, которые продолжали свой путь после того, как пробежали через это место. У них даже не было целей, которых они могли поразить своим клинками. Ошеломлённые всадники просто пробежали по врагу... И в следующее мгновение все они были удивлены сценой на другой стороне холма.

Квадратная формация исчезла. А конец их построения, который, казалось, виднелся на вершине холма, отсутствовал.

— Это же...

Несколько сообразительных людей нашли ответ. Сорок человек, выполняющих роль черепах, не были концов вражеского подразделения, а были отдельной группой, создавшее впечатление. Вот почему у них не было желания сражаться. Заманив кавалерию сюда, они уже выполнили свою миссию.

— Эй...

В этот момент адские всадники полностью увидели ловушку. Квадратное построение исчезло, но враг всё ещё был здесь. Они встали в аккуратные ряды слева и справа, собираясь вести перекрёстный огонь по всадникам, которые бежали вперёд. Они позаботились о том, чтобы их линии огня не пересекались с другой стороной. Держась на некотором расстоянии от открытого пространства, которое теперь служило охотничьим угощем, они молча ждали, когда их добыча ворвётся в их ловушку.

Это было как долгожданная вечеринка для триумфального возвращения кавалерии. Единственным отличием был подарок. Это были не комплименты или благословения, а проклятие в виде града пуль.

— ЗАЛП!

По сигналу парня в воздухе раздался звук бесчисленного взрыва воздуха. Это было началом односторонней охоты. Пули, вылетающие из дульной части, поражали скачущих всадников в бока, унося жизни как людей, так и лошадей. Бегущая кавалерия не могла резко поменять своего направления, и их самое большое преимущество было обращено против них. У них не было другого выбора, кроме как терпеть этот град, разивший их с флангом.

И что хуже всего, они не могли рассказать о ловушке всадникам, которые ещё не достигли этой стороны холма. Все они могли только следовать за ведущим и атаковать вперёд.

С другой стороны, отряду Торвэя даже не нужно было целиться, и они просто вели огонь по врагу, попавший под перекрёстный огонь. Они сосредоточились на своей казни, не обращая внимания на намерения врага столкнуться в прямом сражении.

— Хкхаа...

Юноша продолжал нажимать на курок, выполняя движения, которые он требовал от остальных. “Ружьё Ремион” показывала точную стрельбу и демонстрировала этой сумасшедшей легендарной кавалерии, что такое настоящая бойня...

— А?

В середине построения, сбитой с толку, Йорунзаф Игсем вздрогнул от радости смелого упорства командующего противника, который превзошел его ожидания.

Квадратное построение на склоне и небольшая группа солдат, которую видно на вершине холма... Всё это было лишь маскировкой, чтобы заставить его думать, что всё подразделение простирается на другой стороне холма. Всё это было лишь подставой, чтобы обмануть глупого врага и загнать их в ловушку.

Понимая, в каком тяжелом положении он оказался, Йорунзаф рассмеялся.

— Фъаахахаах! Уловка, чтобы победить меня! Заманить Однорукого Игсема в ловушку гордости и славы, чтобы затем пришить меня как зверя!?

В бесконечном граде пуль старому генералу даже не нужно было готовиться. У него не было возможности замедлиться. Если он остановится здесь, то это задержит позади бегущих всадников, и он оттянет время, на что, собственно, и надеялся враг. Если он не хочет, чтобы это произошло, единственный путь только вперёд. Им нужно выйти из зоны поражения стрелков и перегруппироваться.

В этот момент Йорунзаф понял, что противник заранее предсказал такой ход мыслей.

— Генерал! Враг напротив нас...

Предчувствие старого генерала его не обмануло, и сцена перед ним изменилась. Безднадёжная фракция Ремион, которую они оставили на потом, отправила всех выживших вперёд. Они даже не стали формировать ряды, просто бежали всем скопом с безрассудной энергией, пытаясь загнать их в угол.

Их командир, вероятно, понял, что это был последний шанс переломить ход битвы, и предпринял всеобщее нападение клещами без всякой защиты. Какой решительный поступок... Признавая грубость врага, Йорунзаф широко раскрыл ярко красные глаза.

— Попробуйте меня взять, если у вас хватит мужества! Это хороший день для смерти! Мои любимые партнёры по жизни, прекрасные близнецы – нелогичность и неразумность... Заставьте меня громко плакать перед смертью!

— Полный вперёд! Не дайте этой проклятой кавалерии перевести дух!

Единственный путь, который уводит от смерти и поражения. Старший сын дома Ремион вёл своих стрелков и бросился к лучу надежды, который неожиданно появился.

В глубине души он думал о исчезновении квадратного образования на вершине холма. Мираж, который исчез за считанные минуты. Но в тот момент, когда он увидел это, Сариха понял сущность и намерения нового подразделения. Он никак не мог этого не понять.

Использование ландшафта холма и атака клешнями... Эту тактику использовал их отец, Тельшинха Ремион, когда сражался против превосходящей конницы Киоки. Когда Сариха был ещё ребенком, он умолял отца рассказать о своих прошлых подвигах, однако он делился ими не часто. Тем не менее, каждый раз слушая рассказ со своими двумя братьями, они вместе смотрели на отца сверкающими глазами.

— Так ты и на такое способен, Торуру! Чёртов предатель!

Сариха застонал от гнева, ревности и многих других противоречивых эмоций в своём сердце. Его младший брат Сушура внимательно следил за ним, и две пары нефритовых глаз наблюдали за кавалерией, летящей к ним.

— Кавалерия идёт прямо на нас... Брат, стой за мной.

— Не смотри на меня свысока! В такие моменты, ты должен говорить: “полагаюсь на тебя”.

После краткого обмена между братьями, они бесстрашно подняли оружие на приближающихся врагов.

Йорунзаф бросился вниз по склону, Торвэй начал его преследовать, а Сариха бросился в атаку. Три различных движения переплетались и взаимодействовали друг с другом, создавая ещё больший беспорядок и хаос.

Стрелки обеих сил начали атаку клещами и обстреливали спереди и сзади. Подразделения Торвэя и Сарихи работали вместе как союзники и аккуратно вели огонь, чтобы не задеть друг друга. Йорунзаф, пользуясь этим, пытался прорваться. Зная, что они больше никого не задержат, всадники почувствовали облегчение. Им больше не нужно было находиться в строю, и они могли беспорядочно сражаться с врагом.

Одним словом, это был очень грязный бой. По иронии судьбы, Торвэй оказался в самом невыгодном положении. Его отряд умел стрелять с больших расстояний, однако они не имели большого опыта сражения вблизи. У Мэттью, как раз то и был опыт, однако его здесь не было.

В распоряжении Торвэя была рота из 200 солдат. Это были не все силы, однако именно их группа столкнулась с врагом. Принимая во внимание геологические ограничения и критерии, установленные ответственными офицерами, они в максимально возможной степени определили предполагаемые места. Поскольку они были не так способны, как Икта, то им пришлось отправить свои силы в эти три предполагаемых места.

Поскольку они не могли включить ещё какие места в список, Торвэй и Мэттью отказались от всех остальных вариантов и разделили свои силы, чтобы разведать три области. Учитывая противника, они отправились с ротой из 200 человек.

В конце концов, подразделение Торвэя попало в цель. Возможно, компас капитана Гарсиева защитил Мэттью от угадывания. Если это было правдой, то парень был искренне благодарен этому. Поскольку его драгоценному другу не нужно будет участвовать в этой ужасной бойне.

— Аахаа...

В самый последний момент он присел на корточки, чтобы увернуться от сабли всадника. Его удача закончилась, и он больше не мог на неё рассчитывать. Торвэю Ремиону приходилось выживать в этой ужасной ситуации собственными силами.

— Защищайте командира Торвэя!

— Командир, сюда!

Его подчинённые, которые так же плохо справлялись к рукопашному бою, изо всех сил старались защитить своего старшего офицера. Хотя он и сказал себе, что больше не будет зависеть от других, но руки Торвэя, держащие винтовку, продолжали дрожать.

— Ха-ха-ха...

— Торвэй, успокойся! Внимательно смотри вокруг!

Его партнер Сафи предупредил его. Но у него не было времени, чтобы сделать передышку. Когда его люди собрались вокруг, чтобы защитить его, это сделало его более заметным для вражеских наездников, стремящихся уничтожить вражеских командиров.

Как и ожидалось, три всадника устремились на них и свалили своих врагов. С их окровавленных саблей стекала кровь противника. Торвэй нацелил на них своё оружие, но...

— ААа...

Он не мог целиться должным образом. Мало того, что его руки дрожали от страха, так ещё и враг приближался с каждой секундой. Он мог ясно видеть их лица. Он всегда избегал своего отвращения “убивать живых существ”, поэтому стрелял издалека. Неудивительно, что ближний бой – его самое слабое место.

— Аа-аааа...

Он не мог нажать на курок, когда всадники приблизились. Двоих из них убили подчинённые, а последний безжалостно кинулся атаковать. Торвэй стоял неподвижно, когда лошадь мчалась к нему.

— Придурок! Почему ты стоишь на месте!?

Ностальгическое предостережение достигло его ушей. В тот же момент выстрел поразил голову лошади, спасая жизнь Торвэя. Он инстинктивно повернулся к голосу и увидел своих братьев, стоящих там с серьёзными лицами.

— Брат?

— Если бы я тебя сейчас не спас, ты бы сдох! Какой же позор! Твоя слабая личность несправима!

Старший сын дома Ремион игнорировал всю ситуацию вокруг и схватил своего младшего брата за воротник.

— Твоё лицо по-прежнему выглядит таким же наивным, как и раньше! Сколько раз мне нужно сказать тебе!? Если у тебя нет решимости убить, тогда не ступай на поле битвы!

Торвэй мог только смотреть на своего старшего брата, который отчитывал его. Выражение лица Сарихи было за пределами ярости и казалось слегка горьким.

— Почему ты не учишься!? Я ведь знаю, что у тебя есть талант! Ты помог мне ранее... Но не в этом проблема! Оно ведь здесь! В твоей груди! Твое сердце не создано для того, чтобы убивать!

Старший брат ткнул в грудь Торвэя, который всё ещё не реагировал. Сушура, который наблюдал со стороны, повысил голос, когда завидел опасность.

— Брат, враг! Целая орда!

Сариха убрал руку от младшего брата и поднял винтовку в направлении, куда смотрел Сушура. Он увидел, как более 20 всадников в строю бежали прямо на них.

— Чью голову мне нужно отрезать!?

Не только они, но и адский король с красными волосами. Собравшись в группу за своим командиром, они мчались закончить эту битву... именно с такой простой мыслью Йорунзаф мчался впереди остальных. Напротив, братья Ремион были с менее 30 солдатам. Это был конец пути.

— Стреляйте по ним, образуя постро...

Приказ Сарихи не был передан полностью. Потому что всадники начали свою атаку с громкого вопля. Воплощение насилия застигло их, растаптывая слабую пехоту. Их тела отбрасывало как щепки, когда лошади толкали их в сторону.

Торвэя тоже отбросило, поскольку он стоял неподвижно на месте. По его голове пришёлся сильный удар от его подчинённого, которого откинула лошадь. Торвэй даже не мог сохранять сознание, и стиснув зубы, он погрузился во тьму.

— Если ты не в состоянии нажать на курок в важный момент, ты не сможешь ничего защитить.

Он вспомнил слова старшего брата, поскольку терял сознание. Его слова больше всего причиняли боль в этот момент.

— Ты должен понимать, что сейчас проблема не в твоей технике... Ты даже не можешь стрельнуть в зверя, который пытается тебя убить.

Сариха, который убил волка, раздражённо кинул его тушу к ногам мальчика. А тем временем Сушура промывал укус на ноге Торвэя водой.

— Даже думать перестать о том, чтобы вступать в армию. Ты не подходишь! Нет смысла настаивать на том, чтобы быть солдатом. Поскольку ты третий сын дома, то можешь жить так, как хочешь.

Будь то его грубые слова или беспокойство, скрытое за этим, Торвэй не мог ответить. Он молча опустил голову, пока Сушура перевязывал его рану.

— Если отец будет против, то я помогу тебе уговорить его. Ладно. Сушу... Понесёшь этого дурака!?

Его второй брат нёс его вниз по склону горы, пока они не достигли подножия. Сариха, который прокладывал путь, продолжал несчастно топтать землю. Хотя и не сразу, но Торвэй это заметил. Трава и ветки исчезли там, где прошёлся его старший брат.

Ох... вот как. Всё слилось в одно и стало таким сложным... Однако тогда, мой старший брат был полон нежной доброты...

— Торуру. Тебе не идёт быть солдатом.

Эти слова он вспомнил именно в этот момент. Никогда ещё голос его наставника не был таким нежным.

— Я воспитала многих людей в армии, но ни разу никому не сказала “что ты не подходишь, так что сдавайся”. В них всего лишь надо было развить качества, которые помогут преодолеть их слабости - таков мой принцип. Те, кому не хватает выносливости, должны бежать, те, кто не могут поразить цель, должны стрелять ещё больше, а тех, кто не подчиняются, бьют до тех пор, пока они не начнут слушаться. Я вылепила многих компетентных солдат таким образом, и с тобой сейчас я делаю тоже самое...

Она подошла к маленькой клетке, на которой остановился её взгляд, и открыла запертую дверку. Внутри она подобрала дрожащего зайца... цель, в которую Торвэй не мог выстрелить.

— Однако я не думаю, что у тебя есть какие-то слабости. Несмотря на то, что тебя ругают, бьют и не разрешают есть в течение нескольких дней, ты всё равно отказываешься стрелять в этого зверька. Вместо всего этого, твою нежную натуру должны рассматривать должным образом...

Она выглядела грустно, когда мальчик слабо сидел на траве. Его сердце наполнилось чувством вины, и он ничего не сказал. Торвэй определённо бы заплакал, если бы хоть немного расслабился.

— Будучи наставником в стрельбе дома Ремион, учить тебя - одна из моих обязанностей... Однако, действительно ли я выполняю свой долг, если воспитаю из тебя компетентного солдата? Если я изверну твою душу и сделаю из тебя ублюдка, который будет стрелять в любого, не задумываясь... разве это образование? Скорее всего, это было бы невероятно подлым поступком...

Держа зайца в одной руке, она достала яблоко из своей сумки... Это, наверное, утешительный

подарок по окончанию занятия.

— Кушай. Больше я не буду тебя ругать или бить. После того, как съешь это яблоко, пойдёшь за мной, и мы скажем твоему отцу... Должна быть жизнь, отличная от жизни солдата, которая тебе совершенно не подходит. Если мы объясним ему правильно, он определённо...

Правая рука мальчика почти рефлекторно потянулась к предложенному заявлению... но, прежде чем коснуться кончиками пальцев яблока, он сжал кулак, а затем, на удивление женщины, поднял грубый кусок стали.

— Учитель. Я люблю мамину готовку, и ем её очень много...

— А?

— Но я знаю, что в ингредиенты входит мясо зайца, на которое вы и мои братья охотитесь. Я могу это съесть, но не могу выстрелить... Разве это не странно!?

— У каждого есть то, с чем они не могут поладить. Просто делай то, что подходит лично тебе.

Торвэй не обращал внимания на свои жёсткие, опухшие губы и выдавил улыбку для учителя, который подбадривал его.

— Но, учитель... вы ведь тоже не подходите для того, чтобы стрелять по людям. Вы выглядите очень грустной, даже когда бьёте меня.

Плечи женщины дрогнули. Мальчик перевёл взгляд с неё на ружьё в руках.

— Не только вы, но и Сариха, Сушу, отец... Они ведь тоже не подходят для убийства людей. Они все такие добрые. В этом мире, вероятно, нет никого, кто искренне хотел бы убивать других. Но даже в этом случае всё ещё есть потребность в солдатах. Война начнётся независимо от наших желаний. У нас просто не будет иного выбора, кроме как убить врага, чтобы защитить тех, кого мы хотим защитить...

Даже ребёнок, это понимает. Примерно по такому же принципу работает экосистема этого мира. Если не хочешь голодать, то охотись на зверей.

— Несмотря на то что я бегу от страха, где-то в Империи, кто-то, кто напуган ещё сильнее, чем я, решил стать солдатом. Чтобы защитить тех, кто им дорог, они выбрали борьбу, несмотря на страх в своих сердцах. Если это так, то я смогу работать усерднее. Нет, я должен работать усерднее!

Мальчик уставился на зайца в руке учителя и сказал.

— Поэтому, пожалуйста, верните его обратно в клетку. Это ведь мой обед.

После минуты молчания женщина отвела от мальчика взгляд и тихо сказала.

— Даже эта безнадежная часть тебя похожа на твоего отца.

— Что!?

— Не бери в голову... Если всё же собираешься это сделать, то делай всё быстро. Кстати, это не только обед, но и перекус за целых три дня.

Заперев зайца обратно в клетку, наставница ушла со своим обычным суровым выражением лица. Оставшись один, мальчик с улыбкой сказал своему партнёру Сафи, который с беспокойством смотрел на него: “Всё хорошо”. Затем он скормил духу пулю и после этого... Трясущимися руками он уставил дуло в клетку.

— ...

Заяц дрожал в темноте. Его жизнь была намного незначительней мальчика. Он никогда не забудет этот день до самой смерти. Это была его первая добыча, на которую он охотился.

— То... ру... ру... Вставай! Торуру!

Ощущение, от которого его плечи дёргались, всколыхнули парня от его короткого сна.

— Брат...

— Ты пришёл в себя!? Вставай тогда, сейчас некогда спать! Кавалерия возвращается! Если мы не остановим их следующую атаку, то нас уничтожат!

Безумное лицо его старшего брата было прямо перед ним. Когда он встал на ноги, которые онемели, Торвэй задумался. Теперь, когда он подумал об этом, многие добрые люди из прошлого лишь пытались удержать его подальше от поля битвы. Ты не подходишь для этого, тебе не следует идти по такому пути. Все, кто говорил это, только заботились о нём.

Однако Торвэй не мог принять эту добрую защиту и решил сражаться. Вопреки его собственным желаниям и намерениям других, он продолжал бороться на войне, убивая многих людей, которых он даже не знал. Его начали мучать ночные кошмары, а его руки уже полностью окрасились кровью.

- Ответь мне чётко, Торвэй! Почему ты здесь!?

Он вспомнил вопрос, который ранее задал ему отец. Тогда его спросили, почему он здесь!? Но Торвэй так и не ответил. Он думал, что ещё не нашёл ответа.

Если задать этот вопрос Тельшинхе Ремиону, то он без сомнений ответит – спасти нацию.

Сольвенарес Игсем сказал бы, не задумываясь... защитить страну.

Икта... вероятно, он бы даже не ответил.

Он любил те дни, когда они оставались верными самим себе, и продолжил размышлять. Что было у Торвэя Ремиона!? Почему он сражается!?

И сейчас, он нашёл ответ. Не путём нового опыта, а оглядываясь далеко в прошлое.

Он был на поле битвы, потому что это было его место.

Он всегда искренне верил, что никто не хочет убивать других. Каждый глубоко в себе боялся получить травму, поэтому не хотел причинять вред незнакомцам.

Тем не менее, они сражаются. Ради защиты своей нации, соотечественников и людей, которых они не хотят потерять, они вышли на поле битвы с сердцами, такими же дрожащими, как у того зайца. Они отчаянно цеплялись за идеал отважного солдата, который не боялся смерти... крепко хватались за фантазии героев, которые сражаются с ледяным отчаянием смерти с помощью ложного фанатизма, созданного этими иллюзиями...

Так думал Торвэй. Следовательно, поле битвы создано для таких трусов, как он.

— ...

Когда он оправился от головокружения, его взгляд упал на винтовку в его руках. Оружие, которое могло убивать на расстоянии, развивалось с каждым днём. Оружие, созданное для трусов, было прямо у него в руках.

Нет, поправил сам себя Торвэй. Будь то ветряные пушки, арбалеты, пики или даже мечи, в этом мире такое большое разнообразие оружия... Не для того ли их сделали, чтобы человечество ушло всё дальше от смерти?

Несмотря на это, те, кто умел использовать оружие на поле битвы, были провозглашены героями и на них рассчитывали в дальнейших героических подвигах. Повторяя этот процесс, они, вероятно, забыли тот факт, что они когда-то были трусами.

Вот почему Торвэй был полон решимости запомнить это. Однажды, он напомним всем, что все когда-то были слабыми созданиями, которые боялись смерти. Истинным лицом войны была кучка трусов, скрывающихся под героев, постоянно убивающих друг друга. К тому же...

- Я хочу превратить этот образ жизни в пережиток истории.

В тот момент, когда он озвучил свои мысли, парень нашёл свою цель. Его как будто ударила молния, пролив слезу на эту жестокую судьбу.

Если Икта боролся за спасение Ятори, то Торвэй Ремион должен был сражаться, чтобы положить конец эре Игсем. Он не будет мириться с их гордостью и оторвёт её от их жизней. На его идеальном поле боя с трусами не было места храбрым красноволосым мечникам.

— Вот как... Вот почему, Ик-кун...

Придя сюда, Торвэй понял причину, по которой Икта всегда поддерживал его. Несмотря на всех добрых людей в его жизни, именно он был самым строгим. Парень знал, что Торвэй был трусом, непригодный для войны, но всё же отправил его на передовую.

Видимо это было ключом. Икта ожидал от Торвэя Ремиона большего, чем от остальных. Он надеялся на то, что юноша станет ему партнёром, который поможет избавить красноволосую девушку от бремени её двойных клинков, когда придёт время.

Он вспомнил о своём происхождении и понял, что ему нужно делать с оружием в руке. Парень с нефритовыми глазами сделал спокойные шаги вперёд.

— Командир, всё хорошо!

— Просто стойте позади нас и...

— Командир!?

Его подчинённые начали беспокоиться. Торвэй тихо покачал головой и прошел мимо них.

— Эй, ты что делаешь, Торуру!?

— Торвэй, куда ты идёшь!?

Его братья тоже начали беспокоиться, но Торвэя уже было не остановить. Он оттолкнул солдат в первых рядах и вышел вперёд. Его нефритовые глаза смотрели прямо на вражескую кавалерию, которая вот-вот начнёт атаковать.

— Я здесь! Йорунзаф!

Прошлое, которое ему нужно было преодолеть. Он бросил вызов Однорукому Игсему изо всех сил!

По какой-то причине этот крик прошёл через всё шумное поле битвы, наполненное криками и воплями, и достиг своей цели.

— Хо...

Старый генерал был удивлён. Он был в восторге. Он не мог вспомнить, чтобы кто-кто за последние 20 лет бросал ему вызов.

— Интересно. Стрелок бросает мне вызов!?

Ностальгическое чувство восторга заставило его сильно улыбнуться. Его правая рука, держащая поводья, громко скрипела, а ноги прижимались к седлу, как клещи. Он почувствовал себя на полвека моложе и повысил голос.

— Слушайте все! Поскольку он вызвал меня на дуэль, он мой брат!

———— Так точно! ————

— Может он и молод, но он, вероятно, командир! Расчистите мне дорогу! И проследите за тем, чтобы мне не мешали!

———— Так точно! ————

Его подчинённые поняли намерение Йорунзафа и ответили, как один. Во-первых, все они были сумасшедшими парнями, и у них не было бы никаких хлопот, если бы они сражались как все.

Легендарная Прыгающая Кавалерия собиралась в строй для следующей атаки...

— Какого чёрта ты делаешь!?

Торвэй оглянулся на своего старшего брата взглядом, который был намного сильнее, чем когда-либо.

— Я сражу Йорунзафа Игсема.

Парень объявил так, как будто это было predetermined. Только в твоих мечтах! Сариха хотел крикнуть ему это, но не смог. А всё потому, что он не видел той слабости в глазах своего младшего брата.

— Я свалю его за один раунд. Сариха, Сушу, пожалуйста, отвлеките других всадников.

Сказав это коротко, юноша поднял своё оружие. За исключением цели и его самого, всё постепенно исчезло из его сознания.

— Я единственный, кто способен на это! Именно для этого я сейчас живу!

Увидев игровое лицо Торвэя, Сариха стоял в шоке. Между братьями наступила тишина. Не в силах больше терпеть, Сушура потянулся к своему младшему брату, но после борьбы в своём сердце, старший сын дома Ремион схватил его руку, остановив его.

— Оставь его в покое. В любом случае, он не услышит того, что мы ему скажем.

— Но брат...

— Пусть делает, что считает нужным! До сих пор, как бы я ни издевался над ним, он отказывался менять свой образ жизни. Такой придурок, безусловно, добьётся своего в критический момент!

Со сказанным, Сариха с полной решимостью отвернулся и ушёл. Старший сын дома Ремион вернулся на своё место и направлял своё подразделение сквозь стиснутые зубы.

— Чёрт! Что за шутки такие!? Это же Торуру... мой непутёвый младший брат!

Он заполнил бреши в своём формировании горсткой людей и сам вступил в ряды, чтобы отразить предстоящую атаку. Сариха мог видеть, как вражеская кавалерия начинала.

— У меня никогда не будут такие безумные глаза в подобной ситуации!

Сариха вытер пот тыльной стороной ладони и приказ своим людям открыть огонь. Звук взрыва сжатого воздуха перекликался друг с другом в хоре.

Тем временем, впад в режим снайпера, весь звук на поле битвы стал далёким для ушей Торвэя. В тишине этого одиночества его чувства как охотника были доведены до предела.

— Фух~

Сразить Йорунзафа. Юноша знал, что задачу, которую он поставил, было почти невозможно выполнить. Бросать вызов Игсем – считай, что признавать своё поражение. Всякий раз, когда он вспоминал битвы, в которых он сражался вместе с красноволосой девушкой, он чувствовал ту непостижимую доблесть, которая мешала ему даже представить, что победа когда-либо возможна.

Если он хотел добиться победы силой, то ему нужно было преодолеть фундаментальную проблему... Пули не могут поразить Игсем, обладающих внушительными боевыми навыками. По его наблюдениям, они могут увернуться от пули, выпущенных с расстояния менее 10 метров.

Это само собой означало, что они могли видеть пулю или двигаться быстрее, чем она. Игсем, вероятно, могли рассчитывать время и место, поэтому могли увернуться от них. Их способности противостоять грязным трюкам сводили на нет все попытки нечестного боя. Если бы кто-то всё же был способен, то стрелков и вовсе не существовало. К счастью, никто кроме самих членов дома Игсем не мог воспроизвести эту технику, поэтому создание нового типа солдата, стрелок, прошло беспрепятственно.

В любом случае, от выстрела в лицо он увернётся. Однако это не было проблемой, скорее предварительным условием. Первый план, который приходил на ум, – стрелять на расстоянии, с которого он даже не обнаружит стрелка. Однако текущая ситуация Торвэя не позволяла этого. Из-за недавнего выкрика, он заявил о своём существовании. Как бы то ни было, всё равно было трудно надеяться на шанс стрельбы с больших дистанций при такой-то хаотичной битве.

Они смотрели друг на друга, поэтому любые нормальные выстрелы поразят лишь воздух. Движение врага было ограничено лошадью, но его верхняя часть тела могла свободно двигаться, да и лошадь можно было использовать в качестве щита. Для Игсем этого было достаточно, чтобы увернуться от выстрела.

Учитывая всё это, Торвэй придумал план. Сначала он закрыл глаза.

— ...

Звук вновь вернулся к нему. После того, как он закрыл глаза, его слух усилился, и мозг начал анализировать всё, что слышал. Расчёты он производил одновременно. С учетом скорости кавалерийской атаки и расстояния между ними, он прикинул время, которое потребуется, чтобы до него добраться. Он больше беспокоился о том, сколько ещё времени оставалось до столкновения.

Был только один ключевой момент в его плане. Не открывать глаза до последнего момента, пока лошадь не окажется прямо перед ним. Как только он восстановит своё видение, он не сможет удержаться от того, чтобы посмотреть на цель и инстинктивно стрелкнуть, чтобы увернуться. Если он хотел атаковать Игсем спереди, он не мог дать своему противнику шанс прочитать момент, к которому он стремился.

Он мог целиться лишь в самый последний момент... Но у этого плана было три неопределенности. Во-первых, от его выстрела могут увернуться. Поскольку Торвэй мог прицелиться только в одно мгновение, Йорунзаф мог спокойно увернуться и атаковать в тот же момент.

Во-вторых, даже если он попадёт, они оба могут погибнуть. Торвэй, открывший глаза в последний момент, не сможет увернуться от атаки. Одна маленькая ошибка, и он потеряет голову, как только откроет глаза.

И третье... сможет ли он без страха выстрелить прямо в цель перед собой!?

— ...

Он не мог колебаться. Поскольку преодоление этих неопределенностей было единственным путём к победе, не было смысла сомневаться в себе. Жребий был брошен. Получит ли он желаемый результат, станет известно только тогда, когда всё закончится.

Дрожь перед ним приближалась всё ближе. Торвэй восстановил своё дыхание и начал считать секунды в соответствии со своими расчетами.

Пять секунд... представь сцену выстрела. Откорректируй расчёты.

Четыре... используй мозг на полную, чтобы представить сцену и увидеть всё в мелких деталях.

Три... будь готов душой и телом. Чувствуй оружие своими пальцами.

Два... не молись Богу, рассчитывай лишь на себя.

Один... вспомни всех из "Рыцарского Ордена".

Ноль... открой пошире глаза.

Во время последней части своей атаки Йорунзаф был сбит с толку странным ощущением. Причиной был его противник, который стоял на его пути с закрытыми глазами.

Он определённо не смирился с судьбой и не потерял желания сражаться. Опытный командир никогда не покажет такую неприглядную сторону на поле битвы. Следовательно, он готовился. Готовился одним выстрелом сразить атаку всадника. От этой мысли, старый генерал стал ещё счастливее.

Выстрелы осыпали передние ряды кавалерии. У врага, вероятно, были отличные стрелки, и в

первые 100 метров упали семь всадников. В пятидесяти метрах от врага его силы сократились до тринадцати, включая его самого, но он не заботился об этих числах. Всё будет кончено, когда он отрубит голову вражескому командиру. Время вернулось назад в прошлое, когда он ещё был новобранцем.

——— Ваааааааааа! ———

Кавалерия добралась до пехоты. Плоть столкнулась с плотью и начали ломаться кости под ужасающие крики с обеих сторон. Их фанатизм был на пике, когда адские всадники бесчинствовали, не заботясь о своей жизни.

— Я здесь!

Йорунзаф отбросил всё это на задний план и вытащил саблю из ножен. Юноша был прямо перед ним, менее чем в двух секундах. Он пнул по бокам лошади без каких-либо задержек. У его противника всё ещё были закрыты глаза. Однорукий Игсем попытался отрезать ему голову, когда проходил мимо, но на полпути его удара, на него смотрели широко открытые глаза.

— ...

Его противник поднял винтовку в одно мгновение. Когда тёмная внутренняя часть дула была направлена на него, Йорунзаф нахмурился... слишком поздно, чтобы атаковать. В лучшем случае они убьют друг друга, однако парень даже не был нацелен на жизненно важные точки.

Его клинок пришёлся по незащитной шее. Йорунзаф был уверен, что прилежное лицо молодого человека отделилось от тела. Однако... охотник, столкнувшийся с такой судьбой, просто один раз нажал на курок.

— Ах...

Жгучая мощь вспыхнула в правой руке старого генерала. Он быстро присмотрелся и понял, что юноша был нацелен на лезвие. Это была его единственная попытка, но сейчас это уже было неважно. Лезвие Игсема, несущееся с лошади, было неудержимо. Такой удар пробил бы даже сталь, не говоря уже о голове.

Старый генерал не сомневался в этом... однако в следующий момент его предала правая рука.

— Что...

Сверкнула вспышка столкновения стали. Оружие, которое поддерживало всю жизнь Йорунзафа, выскользнуло из его руки, прежде чем оно достигло цели. Невероятное зрелище заставило его смотреть широко открытыми глазами, пока всё тело Однорукого Игсема несло вперёд на лошади.

— ...

Пробегаая мимо своего врага, старый генерал осознал свою роковую ошибку. Сейчас не время стоять без дела. Его спина была открыта для охотника, которого он не смог убить ранее.

— Кхаааа!

Йорунзаф немедленно повернулся, но было уже слишком поздно. Настала очередь охотника сделать свой ход.

— Ааааа...

Близнецы нелогичность и неразумность улыбнулись. Они в последний раз поцеловали старого генерала, которого сопровождали всё это время.

Ощущение свинца, попавшего ему в шею, дошло до него. Ледяной холод, который мог заморозить его пылающее сердце, дал понять Йорунзафу Игсему, что настал его момент поражения.

Когда кавалерия подняла красно-белый флаг, крики на поле битвы стихли.

Кому-то могло показаться так, но сражение не прекратилось сразу после объявления о прекращении огня. Хаотическая битва трёх разных фракций привела к тому, что все были в замешательстве. Когда оно прошло, командиры начали кричать о прекращении действий. Многие солдаты упустили этот момент, и это привело к множеству ненужных жертв.

Однако битва закончилась до того, как силы уничтожили друг друга. Судя по результатам, лучше всех показали себя всадники, которые размахивали флагами, выкрикивая “перемирие”! Их фигуры с флагами вместо клинков были очень заметны и не оставляли места для недоразумений. Чего не скажешь о стрелках двух фракций. Поскольку все знали, что кавалерия принадлежит Игсем, все единогласны согласились о прекращении огня. Убедившись, что фракция Игсем утратила желание сражаться, пехотинцы побросали свои винтовки один за другим.

Поскольку битва, наконец, закончилась, солдаты, реорганизуясь, разошлись в соответствии со своими силами и начали ухаживать за ранеными.

Торвэй тоже принимал участие, как командир, однако...

— Ааааа...

— Рука... рука...

— Командир... спасите...

После изнурительной битвы ему пришлось столкнуться с ещё более суровой реальностью. Подразделение Торвэя понесло большие потери. Снайперское подразделение, которое он лично создал, сильно пострадало, причем многие были смертельно ранены.

— Не спать! Чувствуешь... я держу тебя!

— А-а-а... ха-аааа...

— Мы немедленно доставим тебя в соседний город! Продержись чуть-чуть и мы спасём тебя...

— Кха~ гхг~

— Ефрейтор Ригуй, ты один из тех, кто лучше всего сражался в этом бою. Как только мы вернёмся в Центр, тебя наградят медалью, а затем мы пойдем праздновать в бар и будем пить до рассвета. Естественно, я за всё плачу. Но если ты умрешь до этого...

Подчинённый Торвэя был в безнадёжном состоянии. Его растоптал конь, и его живот неестественным образом ушёл внутрь. Было сломано пять или шесть рёбер. Чудо, что его органы не пострадали... Оказав себе первую помощь, ему лишь оставалось надеяться на лучшее.

— К-командир... я... хо-ро...шо... справился?

Солдат, который потерял кусок мяса от затылка до шеи, лежал на земле, и спросил, как будто он цепляется за соломинку.

— Сержант Лобан, разве ты не самый мужественный человек в моём отряде?! Если не ты, то кто ещё!? Именно поэтому, чтобы и дальше всех спасать, тебе нужно держаться!

— Хах~ такая большая ответственность... Не хотелось бы вваливать такое на других, поэтому я сделаю всё возможное...

Помимо поддержки их неустойчивой силы воли, он ничего не мог сделать для тяжело раненых. Торвэю хотелось кричать от беспомощности, но он продолжал оказывать первую помощь тем, кого можно было спасти, и выслушивал последние слова тех, кому уже не помочь. В самом конце он наконец-то отправил всех раненых в соседний город. Включая тех, кто помогал раненым, от подразделения Торвэя осталось меньше половины.

— Ох...

Закончив с ранеными, он вспомнил, что что-то забыл сделать. Юноша поднял две винтовки с травы и подошёл к одному из своих подчиненных.

— Рядовой Харушин, спасибо за ранее. Вот твоё оружие.

— А... Точно больше не нужно!?

— У нас ещё есть пару винтовок. Мы скоро свяжемся с подразделением Ма-куна, поэтому я бы хотел вернуть тебе его обратно...

Торвэй вернул винтовку своему подчинённому, затем посмотрел на другую, свисающую с его плеча. Его оружие было изогнуто, поскольку приняло на себя удар.

— Прости, Сафи. Хотя это и была часть плана, но мне пришлось тебя бросить в сторону.

— Всё хорошо, пока ты цел.

Его партнер Сафи ответил с улыбкой, когда услышал, как его хозяин начал извиняться. Заблокировав удар винтовкой, ему пришлось выбросить оружие, которое теперь было совершенно бесполезно. Заранее позаимствовав винтовку с прикреплённым к ней духом у своего подчинённого, Торвэй в тот же момент поднял оружие и выстрелил в спину Йорунзафа. Это был решающий выстрел, который закончил битву.

— Ладно, пойдём уже.

Торвэй заставил своё вялое тело встать и выпрямил спину. Он выиграл эту битву, но он ещё не выполнил свою миссию. Их целью в провинции Дафума был поиск Императора.

Он собрал небольшое количество подчинённых и отправился на открытые равнины, и перед ними предстало ужасное зрелище. Пока подразделение Торвэя не вступило в бой во второй половине битвы, квадратное построение Ремион было почти на грани поражения от бесстрашной атаки кавалерии Игсем. Потери были ужасны.

— Сариха, Сушура...

Торвэй окликнул своих двух старших братьев. Он увидел, как его второй брат Сушура лежал на земле с повязками на правой руке, левой ноге и лбу, и его сердце задрожало. Его старший брат Сариха стоял рядом с ним относительно невредимым. Во время последней кавалерийской атаки Сушура защитил брата, как он это делает обычно.

— Прости, но нам нужно идти. Он ведь где-то там в лесу!?

— ...

— Эх... я принимаю союз. Делайте, что хотите.

Сушура молчал, а Сариха ответил несмотря на младшего брата. Поскольку у них было очень много раненых, они застряли здесь. Всех выживших распределили оказать помощь раненым. Они не могли их так просто оставить и продолжить поиск.

Следовательно, у них не было другого выбора, кроме как безоговорочно согласиться на альянс с группой Торвэя. Согласно соглашению об обмене информацией, они рассказали Торвэю о нужном сооружении.

— Даже если мы найдём Императора, мы не будем заставлять Его Величество издавать указ, который объявит вашу фракцию предателями. С самого начала мы хотели закончить эту гражданскую войну, в которой у Ремион были лидирующие позиции.

— Да кто в это поверит!? Не мешайте нашей спасательной операции! Просто возьми уже людей и уходи.

Старший брат отказывался поворачиваться лицом. Торвэй опустил голову с закрытым ртом и начал уходить.

— Стоять...

Когда он оборачивался после окончания разговора, недовольный голос остановил его. Там стоял старик с ярко красными волосами и саблей на талии... Это был Йорунзаф Игсем. Он спешил с перевязанной правой рукой и посмотрел на нефритового юношу.

— Объяснись, перед тем как уйдёшь. К чему всё это!?

Спросил старый генерал, когда коснулся своей шеи. Место, где свинцовая пуля поразила его, казалось, опухшим. Лицо Торвэя казалось неоднозначным под его взглядом.

— Что вы имеете в виду под объяснением!?

— Я не могу принять первый и второй выстрел. Во-первых, ты закрыл глаза, чтобы я не смог предсказать твой выстрел. Зачем тогда было целиться в руку!?

Старый генерал поднял свою раненную правую руку до головы. Он едва мог двигать большим

пальцем. В тот момент, когда его лезвие собиралось отрубить голову Торвэя, юноша точным выстрелом пробил ладонь насквозь. Поскольку связки большого пальца порвались, сабля легко выпала.

Немного поколебавшись, юноша насмешливо ответил.

— Потому что это единственное место, в котором я был полностью уверен.

— Не понимаю.

— Я знаю Ятори, а поэтому понимаю, что целиться в жизненно важные места бесполезно, так вы, будучи членом дома Игсем увернётесь от пули. Поэтому я выбрал ту часть тела, которую вы от меня не уведёте... и единственное место, которое соответствует этому критерию - это ваша правая рука, а если точнее, то ладонь...

Торвэй представил свои мысли. Независимо от того, насколько грозным был человек, было весьма тяжело атаковать и уворачиваться одновременно. Возможно, Игсем и это не почём, но в этот раз он был верхом на лошади. Возможно, Торвэй и не думал об этом до последнего момента, или, может быть, старый генерал даже не представлял, что его рука станет целью... В любом случае, возможно эти факторы сыграли свою роль.

— Если бы мы оба стояли на ровной поверхности, то, вероятно, всё бы не закончилось так. Поскольку сабля ударит сверху, я мог предсказать траекторию вашего удара. С этой высоты рука должна двигаться здесь... так я представил в своей голове.

— Но я ведь мог и не отрезать тебе голову, правильно? Просто бы задавил лошадью.

— В таком случае, вы бы не были уверены, что я мёртв. Чтобы закончить эту битву, нужно было заставить вражеского командира сдаться или рассказать о его смерти драматическим образом. Представляя какой, вы человек, вы определённо помчались бы за головой. У вас есть навыки, опыт и уверенность. Нет причин избегать этой дуэли.

Торвэй говорил с глубоким уважением. Йорунзаф ещё более сердито посмотрел на него, когда слушал всё это, и снова схватился за шею.

— Пусть так, но расскажи мне о главном. Почему я ещё жив!?

Это было главной причиной его разочарования. Его лишили возможности смерти в конце битвы. Однако Торвэй не разделял его такого мнения.

— Потому что я снизил давление воздуха перед выстрелом.

— Издеваешься!? Очевидно, что я хочу причину, по которой ты понизил давление!

Когда Йорунзаф посмотрел на него, юноша казался обеспокоенным, пока он вдруг не улыбнулся. Хотя эта улыбка не отличалась от плачущего лица.

— Та же причина, по которой я целился в вашу руку.

— А?

— Если бы я этого не сделал, то у меня бы не было уверенности в том, что я попал в цель... К тому же, если я достаточно близко к противнику, что могу видеть его лицо или даже могу узнать, я не могу нормально целиться, а моё тело не даёт и шанса на убийство. Следовательно... я намеренно избегал стрельбы в смертельные точки, чтобы смягчить дрожь в руках. Если я не убью, то могу быть уверен в своих способностях.

— Я не твой знакомый. Чтобы ты делал, если бы я возобновил сражение, когда очнулся!? Даже без руки я бы смог вести людей.

Старый генерал холодно опроверг его слова. Он боялся, но Торвэй отказывался отступить и ответил.

— Я не забрал вашу жизнь... но зато, я забрал вашу гордость.

— Что!?

— В этом хаотичном бою мне приходилось сохранять вашу жизнь, чтобы максимально снизить урон. Поскольку только вы, командир кавалерии, можете приказать им поднять флаг переговоров на поле битвы... Имея это в виду, стрелять на поражение с самого начала было невозможно.

Кроме того, вы двоюродный дедушка Ятори. Это ещё одна причина, по которой Торвэй не стрелял на поражение и его второй выстрел не унёс его жизнь. Старый генерал принял вызов как воин и проиграл. Даже если у него был шанс изменить ситуацию, его гордость ему бы этого не позволила.

Ответ парня поставил в полное недоумение Однорукого Игсема, а в этот момент кто-то со стороны рассмеялся от всего сердца.

— Вхахаха! Неплохо, малец! Отличные контраргументы!

— Даолон...

Немного посмеиваясь, самый опытный член Прыгающей Кавалерии, который также был адъютантом генерала, подошел к своему начальнику и похлопал его по плечу.

— Генерал, похоже пришло время отступить на задний план. Этот молодой парень сумел вас одурачить также, как и богиня войны, не давшая вам шанса умереть.

— ...

— Неважно благодаря каким дням мы стали такими, времена всегда будут меняться. Кто же знал, что такой вот солдат победить вас!? Мда~ долгая жизнь – это и радость, и горечь...

Взглянув на своего вздыхающего адъютанта, Йорунзаф снова посмотрел на Торвэя.

— Я признаю, что победа за тобой, но не слишком ли это, так мягко со мной относиться. Согласно законам войны, разве ты не должен был заключить в тюрьму вражеского генерала!?

— Мне казалось, что, подняв флаги, мы рассчитались. Но если честно... не хочется тратить сил, чтобы брать вас под стражу. Как мы должны следить за заключённым, который останётся угрозой, даже если он связан и на него направлено оружие!? Это всё равно, что держать свирепого зверя голыми руками... Возможно, вы пока не можете использовать свою руку, но я не собираюсь даже пытаться.

— Как жалко. Пока не поздно, у тебя ещё есть шанс убить меня!

— Я не могу этого сделать. Фракция Игсем уважает вас и если мы вас убьём, то лишь разозлим их сильнее. Это может даже повлиять на переговоры в будущем. Вам может быть трудно понять, но наша цель - стать посредником фракций в этом перевороте.

— Пфф... Продолжаешь оправдываться, чтобы не убивать людей...

— То же самое можно сказать о вас. Не нужно быть таким непреклонным в смерти...

— Что ты только что сказал обо мне, маленький засранец!? Ты ведь знаешь, что я закончил Военную Академию, участвовал в многочисленных секретных рейдах на Киоку, на моём счету более 300 подтверждённых убийств. Я обучен на войне...

— Н-нет, ничего такого... Что ж, могу я идти!? У меня ещё остались дела.

Торвэй отчаянно умолял. После того, как Даолон снова похлопал по плечу старого генерала, красноволосый старик щелкнул языком и уставился на свою перевязанную правую руку, как будто он только что вспомнил.

— Я снова не смогу владеть мечом.

— Да, так.

— Даже держать поводья будет трудно. А ведь эти вещи я делал одной рукой.

— Правильно. Но генерал, травма или нет, в вашем то возрасте вы должны воздерживаться от игры в мяч или езды на лошади.

Даолон прокомментировал беспощадно. То, как он это выразил, заставило Йорунзафа разразиться смехом.

— Хахахаха! Тут ты прав!

Уйдя от сентиментальных мыслей смехом, Однорукий Игсем снова повернулся к юноше и быстро подошёл к нему. Своей травмированной рукой он постучал по груди парня.

— Эй, мальчик из Ремион.

— Да...

— Выше голову. Никак представить не могу, но... такие как ты ведь станут опорой на поле битвы в будущем, так!?

— ...

— Я вижу, что ты безнадежно робок, но ты должен показать свою уверенность труса. Храбрые или робкие, люди – это существа, которые движутся к тому образу жизни, в который они глубоко убеждены.

Старый генерал сказал с широкой улыбкой и жестом указал на своего адъютанта. Затем он повернулся спиной к младшему, который превзошел его.

— Парень, работай усердно. Не буду тебя предупреждать. В конце концов, ты сам не убил меня и не взял меня в плен, и я всё ещё остаюсь командиром фракции Игсем и твоим врагом в этом перевороте.

— Мы закончим этот переворот и снова станем союзниками.

— Это лучшее из возможного... Эх, постарайся тогда.

Он махнул своей одинокой рукой и на этот раз ушёл по-настоящему. Его выжившие подчинённые с другого конца ждали возвращения старого генерала, и его огненные волосы, завязанные в хвост, развевались на ветру, дующем сбоку.

Свирепый генерал Йорунзаф Игсем - человек, который больше всего любил войну и смелее кого бы то ни было бросался в бой со своей кавалерией. Торвэй, который превзошел этого Игсема на поле битвы, стал свидетелем исторического момента, когда этот человек ушёл с фронта...

Группа кавалерии ехала ночью. В центре группы, крепко держась за поводья, подполковник Люцика Курск была полна беспокойства.

— Тц...

Луч духа света светил на них сзади. Игсем преследовали подполковника Люцику. Вероятно, это была лёгкая кавалерия, которой было поручено выслеживать врага. От такой единицы было трудно оторваться.

Они украли у нас марш. Она знала, что бессмысленно плакать из-за пролитого молока, но она не могла не мучиться из-за него. Несколько дней назад, видя, что поиски в области подошли к концу, она решила сместить основную базу на юг и сейчас подверглась нападению во время переезда.

И, конечно же, подполковник Люцика приняла меры против такой ситуации. Поскольку три фракции были в одной провинцией, она не могла ослаблять защиты... Однако она недооценила масштаб атаки. Из-за сокращения зоны поиска и перемещения всех группировок на юг она не ожидала, что основные силы Ремион будут атакованы крупным кавалерийским подразделением.

Когда они подверглись нападению, их батальон находился в 2 км от передовых частей их войск. Из-за географических ограничений расстояние между каждой ротой было довольно большим. Они бы смогли собраться чуть дальше вместе, поэтому распределились на десятки минут друг от друга. Кавалерия воспользовалась этим шансом для быстрой атаки, вот почему разведчики оказались бесполезными.

— Будет плохо, если мы вступим в драку, не сбавляйте скорость! Старший лейтенант Куму, Его Высочество в порядке?

— Да, он здесь!

Её подчинённый ответил кратко. Фигура, едущая с ним, носила капюшон и закрывала лицо.

Взглянув на эту фигуру, подполковник Люцика перевела взгляд на фронт и стиснула зубы.

— Я была слишком беспечной!

Она проклинала свою собственную некомпетентность за то, что приоткрыла брешь в этот критический момент. Тем не менее ей было необходимо перевести большую часть войск в безопасность. В конце концов, сейчас с ними был тот, кто главным образом повлияет на судьбу Империи.

Прямо сейчас у подполковника Люцики было два кавалерийских взвода. Первый сопровождал человека, а другой взвод отделился от главных сил. У них было вдвое больше людей, но по пути сюда их стало намного меньше. К счастью, преследующие силы тоже значительно сократились, и даже если у врага было меньше шансов на победу, она не могла рисковать, и позволить им поймать её.

— Вижу реку! Бежим на юг, через мост!

Благодаря лунному свету подполковник Люцика заметила мерцающую поверхность реки и выход из сложившейся ситуации.

Мост на реке, это соответствовало тому, что она помнила. Около десяти 10 метров в длину и более 4 в ширину. Кавалерия может легко пройти строем.

— Перестроиться в три колонны! Не замедляйте скорости, прорвёмся за раз!

Её подчиненные начали перестраиваться и ловко сформировали колонны, чтобы соответствовать ширине моста. В тот момент, когда они закончили, ведущие строй всадники добрались до моста. Лошади преодолели это расстояние в кратчайшие сроки, однако... Их путь блокировал мощный луч света, который был направлен в их сторону.

— Стойте...

Всадники в первых рядах, ослеплённые светом, остановились. Люцика также остановила весь отряд. Они смотрели на препятствие, преграждающее им путь.

— Простите, вы, кажется, та самая группа, сбежавшая с Первым Принцем.

Молодой женский голос раздался с другого конца моста. Подполковник Люцика недовольно цокнула. Как сторона, которая устроила переворот, она никак не могла слушать голос того, против кого они сражались.

— Ты ведь старший лейтенант Яторишино Игсем, так!? Не ожидала, что ты нападёшь на нас

так рано.

— В связи с бурными временами, меня временно повысили до подполковника. Извините за то, что я начала беседу, не встречаясь с вами лицом к лицу.

— Поскольку мы одного ранга, тебе не нужно извиняться или обращаться ко мне на вы. К тому же мы не настолько близки, чтобы приветствовать друг друга.

— Тогда давайте перейдём прямо к делу. Пожалуйста, немедленно сдавайтесь, подполковник. Наша миссия - спасти Первого Принца, который был похищен армией повстанцев. Мы не хотим вступать в ненужные битвы.

Она твёрдо посоветовала своему врагу уступить. Подполковник Люцика щурилась на своего противника на другом конце моста и ломала себе голову. Она не могла наверняка увидеть численность, но у них был примерно один взвод. Вторая половина моста была заблокирована рогаткой*. (*лёгкое оборонительное заграждение из перекрещенных и скреплённых между собою деревянных брусков и кольев)

Она знала, что ситуация сложная, но у неё не было времени обдумывать всё или точнее, у неё даже не было вариантов. Ей удалось оценить некоторое расстояние между ней и преследователями, которые вскоре их догонят. Если враг атакует с фронта и со спины, это будет тотальное поражение. Чтобы избежать этого, она должна была преодолеть это препятствие до прибытия основных сил.

— Остаётся только прорываться.

Подполковник Люцика ответила решительно, положив руки за спину, чтобы подать им сигнал.

— Хочу дать совет, этого будет очень трудно достичь. Для безопасности Его Величества, пожалуйста, пересмотрите своё решение.

— Ради будущего этой страны, я отказываюсь.

“Ледяная Леди” была непреклонна и сказала своим подчинённым.

— Всем солдатам! Начинайте бегать по кругу, чтобы набрать скорость! После начинаем прорываться!

Подразделения позади уже начали двигаться в соответствии с её приказами. Люцика также потянула поводья, чтобы обернуться. В то же время арбалетные выстрелы были выпущены, с другой стороны, и битва началась с воздуха.

——— Ваааахааа!———

Кавалерия, набравшая скорость, бросилась к мосту, и битва достигла своего апогея. По доспехам, покрывающих лошадь и всадника, было ясно, что они - тяжелая кавалерия, ответственная за расчистку пути в таких тяжелых ситуациях.

Но защитники не дрогнули. Их болты предназначались для всадников, колеблющихся перед рогатками, а луч света они то включали, то выключали, чтобы сбить с толку лошадей и их наездников. Это был план, который в полной мере использовал небольшое количество солдат освещения. Довольно точная и гибкая тактика. Это заставило подполковника Люцику прикусить нижнюю губу. Это битва, казалось, была против командира-ветерана, а не девушки в подростковом возрасте.

— Но даже так!

Она нажала на спусковой крючок, когда сказала это. Подполковник Люцика уничтожала источник света врага своими выстрелами, которые были явной брешью духов света. Её не смутили меняющиеся свет и тьма, и её выстрелы были достаточно точными. Этого следовало ожидать, поскольку она не только была главным советником фракции Ремион, но и консультантом в стрельбе самого дома. Она была тем самым учителем Торвэя, и входила в пятерку лучших стрелков в Империи.

Она также накопила многолетний опыт. Однако сейчас её репутация мудрости была на грани, и она не могла позволить себе проиграть. По мере того, как она подбадривала себя, подполковник Люцика глядела в место, где река текла плавно по течению.

Вскоре и враг заметил место, на которое она смотрела, и осветили его лучом света. Несколько всадников пытались пересечь реку. Им было приказано двигаться незаметно ещё до начала битвы.

Подполковник Люцика пользовалась своим естественным интеллектом для представления мыслей противника. Яторишино Игсем, вероятно, решит, что их решили сокрушить с фланга и напасть с тыла. Её внимание будет разделено между этими двумя возможностями.

Когда она начнёт сомневаться, она задействует солдат и свет. Учитывая, что источники света уменьшились вдвое от стрельбы Люцики, если они отвлекутся, то мост на мгновение погрузится во тьму.

— Слушайте внимательно! Ожидаем моего следующего сигнала!

Подготовив своих подчинённых, “Ледяная Леди” ждала этого момента, затаив дыхание. Каждая секунда казалась в десять раз длиннее... и, как она и ожидала, большая часть света на мосту исчезла.

— Сейчас! Прорываемся через мост!

Кавалерия устремилась прямо в темноту с копьями наготове. Не в силах увидеть действия кавалерии, противник опоздал в контрмерах. Впереди идущий всадник рванул прямо на рогатку.

———— Ваааахааа!————

После того, как присоединился третий всадник, они наконец получили результаты. Барьер сломался под давлением, открыв путь. Всадники позади обрадовались, что им товарищам удалось прорваться через защиту, однако... прямо в этот момент перед ними внезапно вспыхнула стена огня.

— Что!?

Люцика потеряла дар речи. Огонь имел ослепительный эффект наравне с мерцающими лучами света. Должно быть, они подлили масла на рогатки и подложили солому, чтобы зажечь всё в ожидании разрушения обороны. Лошади, напуганные жаром и огнём, не хотели бросаться вперёд, и кавалерия не могла пройти через созданный оборонительный барьер. Всё это время залповый огонь из арбалетов продолжал разить противников.

— Горит...

— Аааа...

Стрелы, нацеленные на щели в доспехах, безжалостно проникали в людей и лошадей, и кавалерия, которая билась друг о друг в тесном месте, не могла свободно передвигаться. И это ещё не всё. Пехотинцы двинулись вперед по мосту, который теперь был адским местом пожара.

— Ублюдки!!

— Как вы посмели...

Передние ряды кавалерии начали вопить. Конница, потерявшая подвижность, была лёгкой добычей для атакующих. Будучи неспособными эффективно пользоваться своими копьями и бронёй, ловкие солдаты добились отличных результатов благодаря своим арбалетам, оснащенных штыками.

— Ааааа...

Люцика не могла нормально дышать, наблюдая за тем, как её люди погибают с каждой секундой. Она должна была признать, что проиграла битву умов. Бой закончился, выхода не

было. Если враг не совершит серьёзную ошибку, она не сможет переломить ситуацию.

Она спешила, решив, что езда верхом не принесёт ей никакого преимущества, и в этот момент ярко-красная фигура показалась в поле зрения. Её красные волосы развевались на ветру, а в руках она держала два клинка, залитые кровью людей и лошадей. Сильнейший воин легко сокрушил конницу и остановился перед Люцикой Курск.

— Подполковник Люцика Курск, я требую вашей капитуляции. У вас нет шансов на победу.

Её темно-красные глаза смотрели прямо на противника, когда она заявила об этом. Люцика начала быстро закреплять штык, но она не могла опровергнуть заявление своего противника.

— Чёрт!

Подталкиваемая к пропасти, позади неё раздался крик. Ей не нужно было поворачиваться, чтобы узнать, кто это был. Человека с капюшоном сбросила взволнованная лошадь. Быстро всё осмотрев, он успел разглядеть своего защитника и побежал к нему.

— Ты! Спаси меня! Прошу...

— Ваше Высочество...

Человек, стоящий за Люцикой, умолял о спасении, не обращая внимания на свой неприглядный образ. Его капюшон, откинутый назад, показал хрупкое лицо с впалыми щеками, слезящиеся глаза и светлые волосы, которые потеряли свой блеск.

Это был Первый Принц Империи Катварна - Лайшен Китра Катванманиник. Первый по праву наследования. Перед началом переворота, фракция Ремион позаботилась о том, чтобы он был на их стороне.

— Скажу это ещё раз. Подполковник Люцика Курск, пожалуйста, сдавайтесь. Я не желаю продолжать этот бой и втягивать Его Величество в ненужную опасность.

Ятори заявила об этом снова. Люцика, оказавшаяся между грозным врагом и целью сопровождения, оказалась перед дилеммой. Однако сама она так не думала. Она продолжала анализировать в этой экстремальной ситуации, чтобы в полной мере использовать шанс, который неожиданно представился.

Яторишино Игсем. Вражеский командир был буквально перед ней. Если её удастся сразить, тогда появится шанс прорваться сквозь врага, который просто бы шатался после подери командира.

— ...

Однако это было почти невозможно. Даже с винтовкой в руке она думала, что это слишком глупо бросать вызов Игсем и пытаться победить. Люцике пришлось воспользоваться своим остроумием, которое сподвигло её подчинённых называть её “Ледяная Леди”, чтобы преодолеть величайший кризис в её жизни.

С самым умным человеком из фракции Ремион явно шутить не стоит. Через пять секунд после понимания ситуации она уже пришла к ответу.

— Гхык...

Первый принц ошарашенно хмыкнул. Это был ответ Люцики. Она схватила королевскую особу за воротник, нацелила его на Ятори и пнула его в спину.

— Аааа...

Все имперцы были потрясены, увиденным. Люцика, которая воспользовалась всем, чем могла, подняла винтовку. Она нацелилась на красноволосую девушку, перед которой неуверенно бежал принц.

Абсолютная преданность своему хозяину была одним из элементов, составляющий психику Игсем. Зная её прошлое, Люцика понимала, что Ятори Игсем тоже не чужды такие качества. Если это так, тогда девушка потеряет бдительность в ситуации. Либо она будет возмущена таким обращением с членом королевской семьи, либо самоотверженно защитит принца, который находился на линии огня... любой эмоции будет более чем достаточно. Если девушка слегка уберёт руку, ружьё Люцики, которое оттачивалось годами, убьёт врага, воспользовавшись этой брешью.

— ...

Ятори наклонился вперёд и слегка опустила стойку. Судя по тому, что она собиралась схватить принца, Люцика нажала на курок. Выстрел прошёлся всего в 2 см от макушки принца. Пуля пролетела по тому пути, по которому задумывал стрелок.

— Как...

Женщина поставила свою жизнь на эту пулю... однако она пролетела над Ятори, которая была ниже, чем ожидалось, пронзая её ярко-красные волосы.

Люцика ошиблась лишь в одном. Ятори опустилась ниже не потому, что хотела схватить принца, а наоборот. Она ударила его по ногам, заставляя его упасть на лицо. Как это было широко известно, это был лучший способ не быть застреленным, и она воспользовалась этим

без каких-либо колебаний. С спокойствием, которое соответствует сильному качеству “Ледяной Леди”, Ятори решила позволить принцу ушибить нос, вместо того чтобы быть застреленным. Она твёрдо верила, что это был лучший вариант.

— Но почему!?

Люцике не повезло лишь в одном. Если бы это была Яторишино Игсем двухлетней давности, то трюк с королевской особой сработал бы. Однако девушка усвоила урок, когда была ещё прапорщиком в военной академии.

Во время попытки похищения Третьей Принцессы капитаном Исоном Хоу, девочку взяли в заложники. Тогда Ятори пыталась спасти её из окружения врагов и совершила фатальную ошибку против капитана Исона. Её товарищи тогда успели вовремя и спасли её, но она всё же кое-что вынесла из этой неудачи.

— Хаахх...

Её низкая стойка была не только для того, чтобы сбить Принца по пути, но и продемонстрировать решимость приблизиться к врагу. Люцика пыталась отбиться штыком от приближающихся клинков, однако...

— Ааа...

Штык пронзил воздух, а Ятори, схватив руку противника, ударила рукоятью большого клинка в висок. Люцика тут же отшатнулась назад. Приблизившись лишь одним ударом, красноволосая девушка приставила кончик своего короткого меча к шее женщины.

— Вы очень сильная. Не только ваши навыки, но и ваше сердце, которое ищет выход, даже из такой невероятно сложной ситуаций. Вы настоящий воин.

— Кхаа...

— Именно поэтому, пожалуйста, отступите. Потеря такого превосходного офицера, как вы, станет невероятной потерей для имперской армии. Я не хочу, чтобы это произошло.

Ятори говорила искренне и с глубоким уважением. Даже в такой ситуаций, Люцика скрытно подавала пулю своему партнёру и на её лице дёргались мышцы, как бы насмехаясь над такой громадной пропастью в силе. Она была словно насекомое, ползущее по земле, когда как девушка казалась такой красивой и благородной.

Но это было неправильно. Девушка показывала не путь жизни человека, а эстетику меча без плоти и крови.

Как меня сразило нечто подобное!? Подумала Люцика, чью гордость растоптали. Она была готова отдать всё тому человеку. Даже если ей придётся упасть в самую глубокую яму, она будет полна решимости подтолкнуть его к самой высокой вершине.

— Ха, ах...

Вот как... Красный мечник закончит всё здесь, и такая презренная женщина, как я, снова предаст твои ожидания.

Дух ветра закончил сжатие воздуха. Прямо перед этим тело Люцики понесло назад от Ятори. Постороннему могло показаться, что её ноги подкосились от отчаяния, но это было не так. Даже в этот момент её конечности всё ещё двигались ради одной цели.

— ...

Когда её взгляд был устремлён в ночной небо, Люцика лишь на мгновение опустила взгляд. Ятори не двигалась. Вероятно, она была уверена в том, что сможет остановить любую контратаку, которую задумает противник.

Люцика почувствовала облегчение... хотя бы раз, но она сможет удивить эту девушку.

Она упала спиной на мост, и её тело, руки и ноги были почти параллельны поверхности... В тот момент, красноволосая девушка “поняла” по её глазам.

Увидев реакцию девушки, Люцика Курск показала самую яркую улыбку в своей жизни и нажала на курок.

В этот момент её время на поле битвы застыло навсегда.

Колени красноволосой девушки устремились к женщине, упавшей на спину. Солдаты, сражающиеся повсюду на мосту, остановились и в шоке уставились на эту сцену.

Два тела были соединены лезвием клинка, мерцающий под лунным светом. Острый кончик меча вошёл прямо в грудь женщины.

Из её рта потекла красная жидкость. Она продолжала вытекать, словно открытый кран, поскольку в этом сосуде жизни сделали непоправимое отверстие.

— Ну и ну... даже сейчас не сработало!

Люцика тихо сказала с отвращением. Увидев результат выстрела, её слегка поднятая голова

упала на мост.

Дрожащий человек сидел в страхе на мосту. Его зубы стучали, что, несомненно, означало, что он ещё был жив. На перилах моста, прямо над головой человека можно было увидеть результат выстрела. Эта крошечная дыра в дереве стала последней неудачей женщины.

— Зачем?

Ятори спросил глубоким голосом. Люцика недоуменно прищурилась.

— Зачем? Для чего ты спрашиваешь!?

— ...

— Я не могла его отдать. Особенно вам, Игсем. Поэтому, это единственное, что оставалось.

Женщина рассказала об этом очевидной причине не колеблясь. Это было самое подлое и предательское преступление, которое мог совершить солдат, но она не проявляла никакого раскаяния.

— Но это не сработало. И вот на такой неприглядной ноте, закончиться моя жизнь... Однако свои последние минуты жизни, я посвящу ненависти к тебе. Прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз злилась... Поэтому, позвольте мне необоснованно излить весь гнев на тебя.

Люцика уставилась прямо на Ятори и сказала с сарказмом. Девушка не могла вытащить меч, даже глядя на неё. Она знала, что если она так поступит, то жизнь женщины тут же прервётся.

— Скажи, Яторишино Игсем... ради чего ты сражаешься!?

Женщина спросила внезапно, а Игсем в сердце девушки ответил рефлекторно.

— Ради того же, что и вы. Я сражаюсь, чтобы защищать граждан Империи.

— Хах, это другое. Не вешай мне лапшу на уши такими фразами.

Слабый голос Люцики внезапно обрёл силу, и её опровергающий тон показывал её ненависть. Ятори неподвижно посмотрела на женщину.

— Лично я борюсь за того человека, которого люблю всем сердцем, и у меня нет этих навязчивых идей по поводу всеобщего блага. Если этот человек того пожелает, то я смогу

пожертвовать всем. Я сражаюсь не ради спасения нации или жителей этой страны... Я сражаюсь просто потому, что он так желает... И если я не буду действовать, то не смогу его спасти...

Женщина увидела своё отражение в глазах девушки, и на мгновение увидела её явное жалкое выражение лица.

— Жалкий ребёнок. Ради чего ты пытаешься остановить этот переворот!? Думаешь это принесёт тебя счастья!? Если ты продолжишь защищать такую Империю, у которой нет будущего, то однажды ты сгинеешь вместе с ней. Ты не познаешь женского счастья любить и быть любимой. Ты ничего не получишь взамен, и тебя просто бросят в груды гниющих трупов.

Люцика остановилась здесь и посмотрела на белый полумесяц, сияющий позади девушки.

— Никто мне не приказывал так поступать. Я лишь следовала зову своего сердца и поддерживала единственного человека всем, что у меня было... Моя любовь не принесла никаких плодов и я так и не смогла донести до него свои чувства... Однако женщина по имени Люцика Куркс действительно существовала в этом мире. Это единственный неопровержимый факт. Лежа вот так, в одном шаге от смерти, я это понимаю... причину, по которой я являюсь той, кто я есть.

После этого заявления, Люцика в последний раз увидела внешний мир. После... её глаза перестали отражать свет реального мира.

— Всё ли будет с ним хорошо... если я уйду... Он ведь такой слабый, но очень строгий к себе... Когда ему будет больно... сможет ли он попросит кого-то о помощи... Испортит ли его жена со временем? А дети... Сариха, Сушура, Торуру... они уже такие большие... со своими проблемами...

Её голос стал хриплым, а её глаза медленно закрывались. Когда её разум погрузился во тьму, женщина дорожила каждой сценой, вспыхивающей в её памяти.

— Хаха... сожалею лишь об одном... вот бы я... была той... кто родила бы этих детей... может тогда... всё было бы...

Она так и не закончила своё предложение.

— Подполковник!

Тудум... после последнего сильного удара, сердце женщины остановилось навсегда. Через рукоять меча Ятори могла почувствовать, как её жизнь угасла.

— ...

Девушка с ярко-красными волосами вытащила свой меч. Она даже не вложила оружие в ножны и просто стояла там неподвижно.

Она даже не могла умереть. Ей не разрешили этого сделать, а вот Люцика Курск великолепно достигла конца своей жизни, почти ни о чём не жалея. Она поставила на свою гордость и отказалась идти на компромисс. Она опровергала, ненавидела и оскорбляла Ятори... Односторонне высказала свои мысли и сошла со сцены, не дав и шанса хоть что-то опровергнуть.

Яторишино Игсем была в недоумении, когда смотрела на труп, который казался таким неприкасаемым. Долгое время девушка стояла там, не имея возможности выразить свои эмоции.

Когда они получили отчёт о том, что миссия выполнена, Икта, Харо и принцесса Шамию добрались до деревни, расположенной в глубине леса.

Соломенные здания были построены беспорядочно, а жители с мрачными глазами бродили, как духи. Те, кто мог ходить, ещё были в порядке, но некоторые просто смотрели в пустоту, когда сидели на корточках или лежали на земле. У всех были явные признаки какой-то болезни, и эта сцена показывала, что это было за место.

— Ну наконец-то. Я уж думал не дотерплю.

Когда трое из них вошли в деревню, слегка пухлый парень немедленно подошёл к ним, чтобы поприветствовать их. Подобно группе Икты, его рот и нос были покрыты маской. Икта приказал всем надеть их, когда узнал об этом месте, однако солдаты, которые первыми сюда добрались сделали это самостоятельно.

— Давно не виделись Мэттью! Хорошо, что ты надел маску.

— Рад тебя видеть снова, мой дорогой друг, Мэттью. Кажется, у тебя много проблем.

— Есть куча всего, чего хотелось бы вам рассказать, но давайте оставим это на потом. Сейчас нам нужно поторопиться. Чувствую себя неважно от этого места и не хочу здесь задерживаться.

Мэттью повернулся и ушёл сразу после того, как сказал это, указывая путь. Икта уточнил некоторые детали, когда он шёл за ним.

— Не ожидал, что первым достигну места. Вот это сюрприз. Разве вы не столкнулись с группами других фракций?

— Мы наконец создали альянс с фракцией Ремион. Это подходящее место для обороны, и потребуется много людей, чтобы отнять это место силой... Эх~ я хотел вместе с Ремион удерживать здесь позиции, но они почему-то оставили нас одних. Ходят слухи, что фракция Ремион столкнулась с некоторыми проблемами в штабе.

— Может что-то произошло. Интересно...

Прежде чем Икта использовал своё воображение, чтобы представить проблему, принцесса остановила его жестом. Им нужно было сосредоточиться на поставленной задаче.

Как только они получили сообщение, группа направилась вглубь деревни под пристальным взглядом жителей. Вскоре они достигли самого большого здания, которое было наполовину утоплено в земле. Мало того, что метод строительства был уникальным, так ещё и это странное сооружение было без единого окна. Вокруг здания было установлено большое количество охраны, и из него вышел высокий стройный юноша.

— Ик-кун, ты здесь! Харо, Принцесса!

Торвэй ярко улыбнулся и радовался воссоединению с друзьями. Икта нахмурился, увидев его, и ударил его по лбу, подойдя к нему.

— Больно! Ик-кун, зачем!?

— Сам не понимаю. Твоё поведение буквально показывает и говорит: “смотрите на нового меня”. Почему-то меня это бесит...

— О чём ты говоришь!? Торвэй всё такой же...

Принцесса Шамию сказала с недоверчивым взглядом, а Харо рядом с ней тихо рассмеялась.

— Включая то, как необоснованно Икта любит задирать Торвэя... всё так же, как и всегда! Я рада!

Её энергичный и непринужденный голос скрасил атмосферу. Все старались не замечать отсутствия Ятори. Утешённые бодрым отношением Харо, члены Рыцарского Ордена повернулись к зданию перед ними.

— Мэттью, они здесь!?

— Да. Это здание доставило нам кучу проблем недавно. Я пытался сопроводить их в другое безопасное место, но он всячески отказывался. Я бы даже сказал, что он не желает ни с кем говорить, кроме главнокомандующего.

Икта попросил остальных подождать его здесь, а затем направился к сооружению без окон, в котором была только одна дверь возле которой стояло четыре охранника. Из всей группы, оставшейся позади, лишь принцесса Шамию беззаботно последовала за ним.

— Принцесса, разве я не говорил оставить меня!?

— Отказываюсь. Поскольку против нас он, то мне лучше присутствовать.

— Я не говорил, что вы ненадежны... Просто мои отношения с этим врагом не совсем простые...

— Простые, да... не хочется этого говорить, но несложно догадаться, почему... говоря о личных причинах, я одерживаю куда большую победу. В конце концов, там... хоть и не хочется этого признавать... мой биологический отец.

Когда он услышал это логическое опровержение, парень отбросил все попытки её переубедить. Честно говоря, он думал, что так будет даже лучше. Девочка, которая всегда жаловалась на свою беспомощность, не отступала от своих обязанностей.

— Ладно. Пойдёмте тогда.

Юноша протянул ей правую руку. Принцесса Шамию на мгновение засомневалась, прежде чем взять его левой рукой. Когда ладонь, большая на два размера, крепче сжала её руку, что-то глубоко в сердце принцессы болезненно стучало.

— Когда мы придём, не отходите от меня ни на шаг. Это моё условие, если хотите пойти со мной.

— Поняла.

Чтобы скрыть, о чём она думает, девочка тихо кивнула, притворяясь спокойной. Четыре солдата перед ними открыли двойные двери. Цепь, скребшаяся о песок в щели, издавала визг, и, выдержав около десяти секунд, перед ними открылись темные врата ада.

— Кусу, посветишь!?

— Конечно, Икта.

Икта вынул Кусу из своей сумки левой рукой, и свет духа осветил область вокруг них двоих. После того, как четверо солдат вошли внутрь, парень с принцессой последовал за ними. Крутая лестница спускалась вниз, и Икта помогал своей миниатюрной спутнице спускаться.

— ...

Менее чем через десять шагов они вошли в тусклое пространство. Комната была около 10 метров в длину и вдвое больше в ширину, а потолок был и вовсе неожиданно высоким. Четыре духа света, принесённые ранее солдатами, освещали внутреннюю часть, а несколько духов ветра продолжали освежать комнату.

— Ох... вы наконец-то здесь!

В конце комнаты, где лежала влажная земля, с явным восторгом их встречал человека. Икта и принцесса Шамию одновременно посмотрели туда.

Они могли видеть тело, покрытое повязками, лежащее на импровизированной кровати. Было трудно отличить его от трупа, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить неглубокое дыхание между повязками. Те, кто не знал его личности, никогда бы не поверили, что это нынешний правящий Император.

Человек стоял с почтением на коленях и следил за перевязанным мужчиной. Его одежда явно показывала его должность канцлера.

— Как видите, мы здесь. Трудно игнорировать такое тёплое приглашение.

Парень ответил просто, и внезапно вспомнив слова Общей Голосовой Передачи: “место, соответствующее 900 истории Империи”, ухмыльнулся.

То, что раздражало Икту - это ироничное описание, которое прекрасно вписывалось в общую картину. Уединённая деревня, где собрались безнадёжные больные люди. Отчаяние было абсолютным, без какого-либо намёка на будущее. Всё это напомнило ему о Вечном Древе Духов, которое прогнило до самых корней, и просто ждало своего момента смерти.

— Если возможно, то я бы с тобой вообще не говорил.

— Зачем так говорить!? Я с нетерпением ждал того дня, когда мы встретимся.

— Я понимаю, что ты ещё не наигрался. Когда ты только начинал этим заниматься, мой отец ушёл.

Пока он говорил, юноша чувствовал, как эмоции вырываются из его сердца. Это был его инстинкт самозащиты, так как он сошёл бы с ума, если бы столкнулся с этим лисом в здравом уме. Он очень хорошо знал трагическую судьбу людей, с которыми игрался этот лис.

— Солорк...

Икта схватил дрожащую руку принцессы и шагнул вперёд. До лиса было примерно восемь шагов. Достаточно близко, чтобы видеть лица друг друга, но слишком далеко, чтобы задушить.

— Настолько отвратительно, что аж блевать тянет. Ну, ничего не поделаешь, если судьба так решила. Давай поиграем, Тринсай! Какую же роль в этой пошлой комедии ты мне уготовил?

Непостижимая и зловещая улыбка лиса растянулась на всё лицо, как будто это была самая лучшая новость, которую он слышал за тысячелетия.

<http://tl.rulate.ru/book/3196/960169>